

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 40 (3696)

Вторник, 2 апреля 1957 г.

Цена 40 коп.

Народ обсуждает...

В нашей стране — более 200 тысяч промышленных предприятий и свыше 100 тысяч строек. Объем промышленной продукции возрос по сравнению с довоенным 1940 годом почти в четыре раза.

Компетенция по всем конкретным вопросам, связанным с новой структурой управления хозяйством в центре и на местах. ЦК КПСС и Совет Министров СССР полагают, что широкий обмен мнениями, всесторонний учет опыта позволяет выработать наиболее целесообразные формы управления экономикой.

На фабриках и заводах, на промыслах и на стройках, в научных организациях и учреждениях, в колхозах, МТС и совхозах по-прежнему обсуждают тезисы доклада тов. Н. С. Хрущева.

Народ обсуждает... Безраздельный хозяин своей страны, народ — творец величайших материальных и духовных ценностей, вдохновляемый животворящими ленинскими идеями, идеями коммунизма, под руководством своей родной партии столь же мудро решит коренные проблемы управления хозяйственным строительством, как решил и решает он все величайшие вопросы создания коммунистического общества.

В этом есть глубокий смысл. Каждый раз, говорится в тезисах доклада тов. Н. С. Хрущева, когда в жизни нашей страны возникает необходимость в коренных изменениях, когда совершаются важнейшие события, Коммунистическая партия Советского Союза обращалась к широким массам трудящихся нашей страны, к народу.

В тезисах доклада тов. Н. С. Хрущева выдвигается предложение перейти от прежних организационных форм управления к новым формам управления по территориальному признаку. Таковыми новыми формами управления называются Советы народного хозяйства (Совнархозы) в экономических районах.

ВЕРНОСТЬ ИДЕЕ

Б. ЛЕОНТЬЕВ

Отрекитесь! — ревели, но из горящих глоток лишь три слова: — Да здравствует коммунизм!!! В. Маяковский

Скоро нашей социалистической революции исполнится сорок лет. Ее идеи и принципы, ее великие идеалы неуязвимы. Они животворны и действительны в наши дни, за них продолжается борьба, они вдохновляют, зовут к подвигу. Они воодушевляют новые поколения.

У Октябрьской революции есть одна особенность, отличающая ее от всех революций прошлого. Через десять, двадцать, сорок лет после 1917 года ее конечные цели, облик, характер сохраняли свою революционную направленность. Научное объяснение этой особенности давно найдено: во всех прежних революциях лишь сменялись формы эксплуатации, — а в наша Октябрьская революция уничтожила все формы эксплуатации, угнетения и неравенства.

И тем не менее, — хотя научное объяснение известно, — нельзя не восхищаться этой стороной нашей социалистической революции, ее целеустремленностью, ее последовательностью. За нее, за эту сторону всего нашего бытия, немало сил отдала партия коммунистов, самая целеустремленная, самая принципиальная, самая идейная партия в мире.

В самом деле, вспомним хотя бы наиболее примечательную, одну из крупнейших буржуазных революций — французскую революцию 1789—1793 гг. Идеалом восстановления народа и его вождей были: равенство, братство, ненависть к деспотизму, антиклерикализм. А что осталось от этих идеалов через короткое время, когда революция добилась основных своих целей, то есть передачи власти от класса дворян-помещиков классу буржуазии? Достаточно перечитать книгу Балзакса, Золя, Франса, Ни братства, ни свободы, ни равенства, ни избавления от духовного порабощения церковь не дала французскому народу первая и вторая империя, буржуазная монархия Луи-Филиппа, вторая и третья республики...

ПО ПУТИ ЛУЧШИХ

Бывало, приедешь в Рязань — и тебе спешат указать дорожку: поезжайте, мол, в колхоз «Красное знамя» или в «Фундамент социализма», там отличные фермы, замечательные люди...

Да разве в одной только Рязанской области накатыны были гладкие дорожки к лучшим хозяйствам? В любой области было по несколько таких передовых колхозов, куда всегда приглашали гостей, экскурсантов, нашего брата журналистов.

Итак не знает колхозов «Молдино» и «Красный путь» в Калининской области, имени Сталина Лукошкинского района в Московской и т. д.? Конечно, все эти и подобные им колхозы — богатые, высокопродуктивные хозяйства, с высокой культурой труда, где многому можно научиться. И, однако, года три-четыре назад эти колхозы, словно островки, выделялись среди множества запущенных артельных хозяйств.

Настало время поднять все колхозы, все районы, все области до уровня передовых. Об этом шел разговор на состоявшемся на днях в Кремле совещании работников сельского хозяйства областей центральной и северной полосы. След за передовиками — москвичами и рязанцами поднялся на трибуну представитель туляков. Труженники сельского хозяйства Тульской области за прошедший год добились заметных успехов. И, однако, туляки значительно отстают, скажем, от Московской области.

— По производству мяса и по урожайности всех сельскохозяйственных культур, — говорил на совещании секретарь Тульского обкома партии А. Хворостухин, — мы должны в ближайшие 1—2 года подойти близко к Московской области. Никита Сергеевич Хрущев, находившийся в президиуме, попросил уточнить: подойти или сравняться?

— Подойти, — повторил тов. Хворостухин. — Нет, сравняться лучше, — сказал тов. Хрущев. — Туляки это могут. Земли у них, по моему, лучше, чем в Московской области. И народ то не хуже.

«Хорошо, Никита Сергеевич, будем равняться!» — заявили туляки. «Будем равняться!» — это стало девизом. Все ораторы, поднимавшиеся на трибуну совещания, сравнивали свои успехи с успехами соседей. Сегодня равнение идет не на отдельный передовой колхоз, а на передовой район, область. Острая критика отстающих, откровенный, деловой разговор об обязательствах, выискивание все новых резервов для ускорения и увеличения производства сельскохозяйственной продукции и в первую очередь молока и мяса — вот что характеризовало работу совещания. Как и на недавних совещаниях работников сельского хозяйства Юга и Северного Кавказа, проходивших в Краснодаре и Ростове-на-Дону, так и здесь, в Кремле, многие передовики чувствовали себя не очень спокойно. Сегодня ты передовик, а завтра, глядя, остался позади! Еще совсем недавно Смоленская область была одной из самых отстающих. А сегодня работники сельского хозяйства этой области задают тон. Они — инициаторы социалистического соревнования за досрочное выполнение заданий шестой пятилетки по продуктивности животноводства.

Слушая участников совещания, выступавших с трибуны, их беседы в кулуарах, возле книжных шкафов, невольно поражаешься тому, как выросли наши колхозные кадры, особенно молодежь. Еще совсем недавно в колхозах часто можно было услышать жалобы на то, что молодежь, мол, не хочет оставаться в деревне, не хочет идти на фермы. А сегодня только в одной Рязанской области на фермах трудятся около двадцати пяти тысяч молодых доярков, свиноводов, пастухов. От имени на совещании выступила доярка колхоза «Советский герб» Монархского района А. Васехина. Тун года назад, окончив семилетку, она пришла на ферму. Ее доверили группу передовиков. Внимательно изучая опыт передовых доярок, А. Васехина в первый же год работы надоила почти по пяти тысячам литров молока от каждой передовицы. Ныне она звала обязательство получать от каждой коровы по 6 500 литров молока. За свой труд А. Васехина удостоена высшей правительственной награды — ордена Ленина. Ее путь, ее успехи — это путь многих сотен и тысяч советских юношей и девушек, пошедших со школьной скамьи на производство.

Для поднятия продуктивности животноводства в центральной и северной полосе особое значение имеют вопросы улучшения и освоения новых земель. Улучшение и освоение новых земель, Владимирской, Калининской и других областей, заброшенных, заросших кустарником, для скорейшего улучшения лугов и пастбищ, для вовлечения их в культурное земледелие необходимо провести во многих местах мелиоративные работы. Однако большинство лугомелиоративных станций и специальных отрядов при МТС, созданных в ряде областей, все еще не оснащены необходимой лугомелиоративной техникой. Нет экскаваторов, фрез-баранов, канавоукладочных, тягловых машин. Об этих настоящих нуждах говорили почти все участники совещания.

В конце совещания с большой силой выступил тепло встреченный присутствующими Первый секретарь ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущев. Участники совещания приняли обращение ко всем колхозникам и колхозницам, рабочим машинно-тракторных станций и совхозов, специалистам сельского хозяйства областей северной и центральной полосы. В этом обращении они призывают работников сельского хозяйства встретить 40-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции славными трудовыми победами.

Стихотворные переносы Руси, «слабой», «нищей», «рабей», кем-то «побежденной», — полное противоречие тому самосознанию советских народов, которое упрочилось за сорок лет революции. О двух важнейших чертах этого самосознания необходим в наши дни серьезный и большой разговор.

Первая из них состоит в том, что народы СССР идут по пути коммунизма, решительно выбрали этот общественный строй, посвящая свои силы его созданию, достигли на этом пути огромных успехов. Вторая черта характеризует наши отношения к окружающему миру. Гордое понимание нами преимуществ нашего строя, высокое самозащитное и патристическое сочетание с глубочайшим и всепроникающим миролюбием, с желанием мира и дружбы со всеми государствами, в том числе и капиталистическими.

«Вот это — не две «разные», не совпадающие явобны наши идеи, как часто пытаются доказать наши враги, повторяющие измышления об «агрессивности» коммунизма. Нет, эти идеи — мира и коммунизма — слиты в нашем сознании неразрывно.

Вопрос этот сегодня актуален, как никогда. Мир между всеми государствами — один из первых, главных, определяющих лозунгов Октябрьской социалистической революции, пронесенный во всей его чистоте сквозь бури и грозы эпохи. В 1917 году это был страстный, всенародный протест против войны, начатой и организованной империалистами, против джиз, которая окружала эту войну в каждой стране, против джизкого лицемерия всех

Этот — не две «разные», не совпадающие явобны наши идеи, как часто пытаются доказать наши враги, повторяющие измышления об «агрессивности» коммунизма. Нет, эти идеи — мира и коммунизма — слиты в нашем сознании неразрывно.

Вопрос этот сегодня актуален, как никогда. Мир между всеми государствами — один из первых, главных, определяющих лозунгов Октябрьской социалистической революции, пронесенный во всей его чистоте сквозь бури и грозы эпохи. В 1917 году это был страстный, всенародный протест против войны, начатой и организованной империалистами, против джиз, которая окружала эту войну в каждой стране, против джизкого лицемерия всех

Этот — не две «разные», не совпадающие явобны наши идеи, как часто пытаются доказать наши враги, повторяющие измышления об «агрессивности» коммунизма. Нет, эти идеи — мира и коммунизма — слиты в нашем сознании неразрывно.

Вопрос этот сегодня актуален, как никогда. Мир между всеми государствами — один из первых, главных, определяющих лозунгов Октябрьской социалистической революции, пронесенный во всей его чистоте сквозь бури и грозы эпохи. В 1917 году это был страстный, всенародный протест против войны, начатой и организованной империалистами, против джиз, которая окружала эту войну в каждой стране, против джизкого лицемерия всех

Этот — не две «разные», не совпадающие явобны наши идеи, как часто пытаются доказать наши враги, повторяющие измышления об «агрессивности» коммунизма. Нет, эти идеи — мира и коммунизма — слиты в нашем сознании неразрывно.

В своих апрельских номерах журналы отмечают 87-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина и предстоящее сороклетие Великой Октябрьской социалистической революции.

Несколько недавних ленинских рукописей публикует «Иностранная литература». Они относятся к периоду 1895—1922 годов и дополняют известные высказывания Ленина о писателях и публицистах Запада.

В апрельских номерах много поэтических произведений, посвященных В. И. Ленину и приближающемуся сороклетию Советского государства. Так, «Дружба народов» публикует отрывок из поэмы М. Аришара «Ленин и Памир»; «Знамя» — стихи В. Имбер, С. Дамлова, А. Зарковича; «Юность» — стихи Л. Мартынова; «Иностранная литература» — стихи польского поэта М. Яструне, индийского поэта С. Бхаттарачарья, китайского — Ли Цзи, корейского — Хан Юн Хо, чешского — И. Гора, немецкого Б. Брехта и т. д.

В апрельском номере «Звезда» много поэтических произведений, посвященных В. И. Ленину и приближающемуся сороклетию Советского государства. Так, «Дружба народов» публикует отрывок из поэмы М. Аришара «Ленин и Памир»; «Знамя» — стихи В. Имбер, С. Дамлова, А. Зарковича; «Юность» — стихи Л. Мартынова; «Иностранная литература» — стихи польского поэта М. Яструне, индийского поэта С. Бхаттарачарья, китайского — Ли Цзи, корейского — Хан Юн Хо, чешского — И. Гора, немецкого Б. Брехта и т. д.

В апрельском номере «Звезда» много поэтических произведений, посвященных В. И. Ленину и приближающемуся сороклетию Советского государства. Так, «Дружба народов» публикует отрывок из поэмы М. Аришара «Ленин и Памир»; «Знамя» — стихи В. Имбер, С. Дамлова, А. Зарковича; «Юность» — стихи Л. Мартынова; «Иностранная литература» — стихи польского поэта М. Яструне, индийского поэта С. Бхаттарачарья, китайского — Ли Цзи, корейского — Хан Юн Хо, чешского — И. Гора, немецкого Б. Брехта и т. д.

Журналы в апреле

В своих апрельских номерах журналы отмечают 87-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина и предстоящее сороклетие Великой Октябрьской социалистической революции.

Несколько недавних ленинских рукописей публикует «Иностранная литература». Они относятся к периоду 1895—1922 годов и дополняют известные высказывания Ленина о писателях и публицистах Запада.

В апрельских номерах много поэтических произведений, посвященных В. И. Ленину и приближающемуся сороклетию Советского государства. Так, «Дружба народов» публикует отрывок из поэмы М. Аришара «Ленин и Памир»; «Знамя» — стихи В. Имбер, С. Дамлова, А. Зарковича; «Юность» — стихи Л. Мартынова; «Иностранная литература» — стихи польского поэта М. Яструне, индийского поэта С. Бхаттарачарья, китайского — Ли Цзи, корейского — Хан Юн Хо, чешского — И. Гора, немецкого Б. Брехта и т. д.

В апрельском номере «Звезда» много поэтических произведений, посвященных В. И. Ленину и приближающемуся сороклетию Советского государства. Так, «Дружба народов» публикует отрывок из поэмы М. Аришара «Ленин и Памир»; «Знамя» — стихи В. Имбер, С. Дамлова, А. Зарковича; «Юность» — стихи Л. Мартынова; «Иностранная литература» — стихи польского поэта М. Яструне, индийского поэта С. Бхаттарачарья, китайского — Ли Цзи, корейского — Хан Юн Хо, чешского — И. Гора, немецкого Б. Брехта и т. д.

В разделе «За рубежом» заканчивается публикация путевых дневников Бориса Полосова «30.000 лет по Китаю».

В журнале систематически ведется отдел науки. В апрельской книжке печатается статья профессора М. Чумакова о полемизации и средствах борьбы с ней.

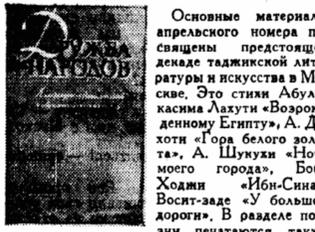
В разделе «За рубежом» заканчивается публикация путевых дневников Бориса Полосова «30.000 лет по Китаю».

В журнале систематически ведется отдел науки. В апрельской книжке печатается статья профессора М. Чумакова о полемизации и средствах борьбы с ней.

В новом номере «Нева» особенно разнообразен и интересен раздел прозы: рассказы — Ю. Рытхэу «Можь раздора», А. Борзова «Племя и кити м'чтм», М. Демидова «В горах Синаушана», заметки главного инженера Кулан-Утескского совхоза А. Лемке, воспоминания В. Салнова о встречах с Маяковским.

В новом номере «Нева» особенно разнообразен и интересен раздел прозы: рассказы — Ю. Рытхэу «Можь раздора», А. Борзова «Племя и кити м'чтм», М. Демидова «В горах Синаушана», заметки главного инженера Кулан-Утескского совхоза А. Лемке, воспоминания В. Салнова о встречах с Маяковским.

Основные материалы апрельского номера посвящены предстоящей неделе таджикской литературы и искусства в Москве...

В номере — продолжение романа М. Стелмаха «Кровь людская — не водица», воспоминания С. Айни «Коротко о моей жизни» и статья о них П. Скобарева, рассказ Д. Икрамова «Зрелость».

Под традиционной рубрикой «В семье братских народов» печатаются очерки А. Сидки «Джура, бригадир трактористов» (перевод с таджикского А. Одинова) и заметки Б. Небывацкого и К. Славина о документальной кинофотографии союзных республик.

В «Литературном наследстве» публикуются стихи таджикского поэта Карима Девона. В разделе «Критика и библиография» — обзор таджикского журнала «Шарки Сурус» за 1956 год, статья Хамиды Гуляма и А. Мухтара «В дни Кара-Капакской декады», З. Келдири «Письмо из Ама-Атмы» и другие.

Журнал заканчивает «Маленькие рецензии» и «Новые книги».

В апрельском номере напечатаны печатание большого романа С. Снегова «В полярной ночи». Автор, инженер по профессии, раскалывает о том, как трудился за Полярным кругом советские люди в годы войны. Под рубрикой «Очерки наших дней» журнал печатает зарисовки Е. Понеранцевой «В Брянске».

Поэзия представлена стихами Л. Мартынова, Е. Евтушенко и других поэтов.

В номере — статьи Г. Фиша о некоторых проблемах развития советской литературы, Э. Писперго о творчестве Маяковского, Г. Петровского о книге М. Олминского «История «Знамя» и «Правды» и заметки Д. Завальского о книге Н. Динейкова «Капиталистическая пресса США» (о том, как был закрыт журнал «Коварес»).

В «Книжном обозрении» статьи: Е. Кириллова — о рассказе Н. Тихонова, А. Писменного — о книге итальянского писателя Пратолони «Повесть о бедных влюбленных», А. Берсер — о повести А. Довженко «Зачарованная Десна».

Заканчивается печатанием роман Н. Ильиной «Возраст и я». Проза предстает в ней, кроме того, рассказами А. Веселого, Ю. Казанкова и замечательного писателя Г. Белла. Среди поэтических произведений стихи из новой книги Л. Мартынова. Под рубрикой «История одной любви» помещены отклики на «Шесть писем Марины Ц.» и рассказано о дальнейшей судьбе Марины и ее мужа.

Журнал публикует очерки Г. Серебряковой «Три современника» (о М. Горьком, Бернгарде Шоу, Р. Ролане).

В номере — статья Н. Макаровой «На пороге большой жизни», Л. Якименко «На рубеже двух эпох»: рецензия Д. Николаева «Судьба человека, судьба народа» (о рассказе М. Шолохова «Судьба человека») и И. Гринберга «Видеа Корно — маленькая удача». В разделе «Культура и политика» публикуются заметки по международным вопросам.

Номер заканчивается традиционным разделом «Новые книги».

Ю. А. Шапорин

ВТОРОЙ Всесоюзный съезд композиторов продолжает свою работу. Заслушав содоклады В. Ярустовского «О творчестве советских композиторов в области музыкального театра» и Г. Хубова «Музыкальная критика и творчество», делегаты перешли к прениям. Началась дискуссия, призванная поставить и решить многие вопросы музыкальной жизни.

В. Ярустовский на основе подробного анализа творчества композиторов — авторов опер, балетов, музыкальных комедий — попытается вскрыть основные закономерности развития этих жанров музыкального творчества, отметить победы, определить те трудности и слабости, которые все еще не преодолены и мешают становлению советской классики.

За девять лет, отделяющие Второй Всесоюзный съезд композиторов от Первого съезда, сделано немало. Один перечень опер, балетов, оперетт свидетельствует о том, что наши композиторы были активны в создании произведений для театров. За эти годы на нашу сцену пришли такие крупные произведения, как «Декабристы» Шапорина и «Богдан Хмельницкий» Ланькевича, «Спартак» Качагурина и «Медный всадник» Гизера, «Семья Тараса» и «Никита Вершинин» Кабалевского, новые редакции «В бурю» Хренникова и «Войны и мира» Прокофьева. Эти оперы и балеты советских композиторов — живой репертуар театров, отрадные явления советской музыкальной культуры.

Но разве можно утверждать, что каждое появление новой оперы, нового балета, но-

О ЛНАЖДЫ весной, разбегая по колхозам Ленинградской подгородницы, я остановился неподалеку от села Рождественно. Мое внимание привлек обычный гусеничный трактор. Он одновременно культивировал, засеивал и прикапывал пашню. Это был сложный сцеп трактора с культиватором, сеялкой и двумя огромными катками. Агрегат так легко и свободно шел по вспаханной зяби, так ловко и быстро разворачивался в конце поля, что я несколько забавлялся красотой и силой техники, шестивальной по солнечной, окутанной дымкою весенней земле. В такие минуты хочется с кем-то поделиться своими чувствами, и я загворил со стариком, который привез на телеге мешки пшеницы. Это был кряжистый, сухой, огутанной лыжкой весенней земли. В такие минуты хочется с кем-то поделиться своими чувствами, и я загворил со стариком, который привез на телеге мешки пшеницы. Это был кряжистый, сухой, огутанной лыжкой весенней земли. В такие минуты хочется с кем-то поделиться своими чувствами, и я загворил со стариком, который привез на телеге мешки пшеницы. Это был кряжистый, сухой, огутанной лыжкой весенней земли.

— Техника-то техника, а какая она? — Обыкновенная — тракторы, культиваторы... Которая на земле работает. — В том-то и дело, что только на земле! А где техника, чтобы для земли работала? — Как это для земли? — Вот есть в нашем колхозе «Апатиты». Это так у нас прозывается поле. Дальнее оно. Сколько лет мы его пахали, боронили, засеивали! И какие только машины на нем не работали! А для него не то что машинной, — простой лопатой ничего не сделали. Почитай, лет двенадцать не убирали.

— Так удобряют не машинной, а навозом... — А где он, навоз? В теплицу дай, в парники — тоже. И под овощи не забудь, и картошка своего требует. Разве напаешься навозом? Добро бы подстилка была. А то ведь и подстилки нет. Вот и выходит, берем от земли пшеницу, а обратно отдаем золотникам.

По совети говоря, я как-то не придал тогда особого значения словам старика. Это был заковыристый круг. Действительно, наши сулягисты и сушечные земли без органических удобрений не могут быть плодородными. Но для плодородия нужен навоз. А навоза очень мало, потому что нет подстилки. А подстилки нет потому, что мал урожай зерновых и трав и солома идет на корм. А все это потому, что истощена земля... Что касается машин, работающей на земле, то, зная приращение стариков к образным сравнениям и иннокананиям, я просто не придал ей никакого значения. И напрасно! В этом можно было легко убедиться еще раз, когда недавно, в пору последних оттепелей и близкой весны, я снова оказался в Рождественно, где находится центр гатчинского колхоза имени Ленина.

КОЛХОЗ имени Ленина — это и Рождественно, и Выра, и еще несколько деревень. Богатая природа, красивые места. Волнистые поля, покрытые снегом, основные боры, обсаженные пологим берегом реки. Но что это там, сбоку от дороги? Один за другим поднимаются припорошенные метелью штабеля торфа — их около десятка, целый караван.

И я спросил профера развернуть машину, и мы, сокользя с широкого асфальтового шоссе, направлялись к каравану торфяных штабелей.

На торфяных разработках было очень оживленно. Около штабеля стоял экскаватор, его зубчатый ковш врылся в торфяную гору, потом пропалывал в зямнем воздухе и сбрасывал коричневою массу на пеньки — большие стальные листы, специально приспособленные для зимней перевозки торфа. И вот уже рядом со штабелем, на стальном листе высится большая торфяная буча — так, пудов на четыреста — пятьсот; мощный гусеничный трактор ее увозит куда-то за горку, в сторону Рождественно, а под погрузку встает новый, только что пришедший из-за горбы трактор.

Может быть, это покажется несколько странным, но на этом поле находилось предприятие Свердловской МТС. К тому же это были несколько необычные торфоразработки. И не спешите с догадкой, что-де, мол, здесь, наверно, МТС заготовила торф для удобрения колхозных полей. Это не совсем так. На торфяном участке находилось предприятие МТС по производству удобрений. Даже со своим планом, который уже выполнен.

— Свыше семсот тысяч пудов! — Для скольких колхозов? — Только для колхоза имени Ленина. А для всех колхозов зоны МТС будет дано на поля около пяти миллионов пудов органических удобрений.

Мы получили эту справку у агрохимика МТС Валентина Алексеевича Алексее-

ЗАБОТА О ЗЕМЛЕ

М. ЖЕСТЕВ

или бригадиров и припирает директора МТС к стенке: — Пахал? Пахал. Сеял? Сеял. Убирал? Убирал. Значит, за все в ответ. А где урожай? Что тут делать директору? Действительно, МТС все делала, а урожая нет. И начинаются поиски оправданий: — А весна была какая? — Холодная? Холодная. А летом, помните, две недели дожля не было, — разве это не отразилось? Отразилось. Что же касается передовой агротехники, то со стороны МТС все было сделано.

Так не раз бывает на колхозных собраниях. Их протоколы — перечень взаимных обид. А ведь все обстоит гораздо проще. Можно пахать по методам самой передовой агротехники, сеять перекрестным способом и в самые сжатые сроки, но если земля истощена, то хорошего урожая все равно не будет.

Жизнь вносит очень серьезные поправки в привычные понятия. Комплексная механизация сельского хозяйства. Нет, теперь это не только вспахать, посеять, убрать машиной урожай. Необходимо, чтобы техника обеспечивала плодородие земли и тем самым гарантировала бы урожай. Нечерезвычайно плодое не страшна засуха. В этом году в МТС Ленинградской области еще шире развернется добыча торфа и производство компостных удобрений. План рассчитан на срок миллионов пудов. Я уверен, что колхозники потребуют этот план увеличить.

Но тут возникает одно очень серьезное затруднение. Производство торфокомпостных удобрений в зоне Свердловской МТС ведется в промышленных масштабах. Ну, а техника какова? Она весьма ограничена, да и порой просто кустарная. В МТС есть в достаточном количестве тракторы. Но нет ни одного автопогрузчика. Чувствуется большая нужда в бульдозерах. Особенно необходимы торфоразработчики. Вот и в колхозе имени Ленина в этом году будет посажено 40 гектаров раннего яровизированного картофеля. Чтобы получить высокий урожай, под картофель будет внесено около трех тысяч тонн торфоазоаного удобрения. Как будто все в порядке? Нет. Как весной удобрение разбрасывать? Лопатами? Да сколько это займет времени! А каждый день — для раннего картофеля больше деньги. На день раньше посади — доход в десятке тысяч рублей. На день позже — такой же убыток. И очень нужны тракторные тележки-самосалы. Ведь на стальных листах вывозить торф можно только зимой. А как тогда быть с парам? Мы делаем необходимые питания не только оямье, но и клевера. Мы бьем и по кормовой базе, и по плодородию земли. Ведь оно восстанавливается и корневой системой клевера.

Нет, это не жалобы на трудности одной МТС. Это нечто более серьезное. Речь идет о завтрашнем дне всей нечерезвычайной полосы, нужды которой, как нам кажется, плохо учитываются в Министерстве сельского хозяйства и его главах. Почему так бывает? В любой МТС вы найдете немало таких машин, без которых можно обойтись или которые, как говорят старики, «не по климату», но нет машин, которые так нужны для восстановления плодородия земли.

Великий Менделеев придавал огромное значение технике в судьбах сельского хозяйства. В своем труде «О познании России» он писал, что «сами по себе земледельцы... никогда богатства нашей стране не доставят... если рядом не будет развитой промышленности». Такой промышленности не было в старой, царской России, она есть сейчас в новой, советской России. Эта промышленность для разработки огромных массивов торфа. Ведь в нашей стране сосредоточены две трети его мировых запасов.

В тот вечер, когда я был в Рождественно, мне очень хотелось повидать старика — возница семян, чтобы спросить его: ну, как он считает — стала техника работать не только на землю, но и для земли? К сожалению, мне не удалось его разыскать. Но я говорил с другими колхозниками, и их мысли, их души можно выразить в одной фразе: «Теперь дела пойдут, крепко вылезет за землю...»

Борьба за плодородие земли с помощью высокой техники! Это новая страница в жизни нашей колхозной деревни. Колхозы крепко встали на ноги и решают огромные задачи по великой силе своей.

Свердловская МТС Ленинградской области

Мне приходится часто бывать на годовых собраниях. Типичная картина: выступает кто-нибудь из рядовых колхозников

«И это — для детей?»

Под таким заголовком в № 25 «Литературной газеты» от 26 февраля с. г. была напечатана статья, критикующая работу Академии педагогических наук РСФСР по изданию «Детской энциклопедии».

В связи с опубликованием этой статьи редакция получила ответ главного редактора «Детской энциклопедии» вице-президента Академии педагогических наук РСФСР А. И. Маркушевича. Привожу полностью текст этого ответа.

«Президиум Академии педагогических наук РСФСР обсудил рецензию А. Дорохова «И это — для детей?», опубликованную в № 25 «Литературной газеты».

Оставая в стороне вопрос о целесообразности и допустимости публикации рецензии на рукопись, находящуюся в процессе редактирования, мы считаем, что в ряде положений автор прав. Он безусловно прав, указывая, что работа над изданием энциклопедии недопустимо задержалась. Нельзя не согласиться с ним и в том, что в рукописях отдельных статей имеются серьезные недочеты, тяжеловесные фразы и обороты, требующие вмешательства редактора. Наконец, автор правильно отмечает недостаточное привлечение писателей к работе над «Детской энциклопедией».

Хотя в первых томах и имеются статьи писателей И. Сергеева, М. Муратова, Ю. Анненкова, Д. Арманды, И. Ефремова, Г. Гуревича, Я. Шура, Ф. Бублейникова, Н. Шкляра, О. Валя и известных ученых и популяризаторов науки акад. В. Обручева, акад. Д. Шербакова, В. Богорова, Б. Шлямина, Л. Старокадомского, Г. Вайдукова, М. Шаскольской и др., все же число писателей и популяризаторов, сотрудничавших в энциклопедии, должно быть увеличено.

Отмечая серьезные недостатки в подготовке «Детской энциклопедии», рецензент, однако, не счел нужным рассказать читателю о целях и назначении этого издания. Между тем без этого элементарного условия нельзя дать ни объективной оценки всего замысла, ни тем более выносить окончательный приговор, решительно зачеркивающий всю предельную работу.

«Детская энциклопедия» Академии педагогических наук предназначена для детей среднего и старшего возраста. Ее цель — расширить и углубить содержание школьных курсов, познакомить юного читателя с основами науки, с важнейшими явлениями природы, общественной жизни и культуры.

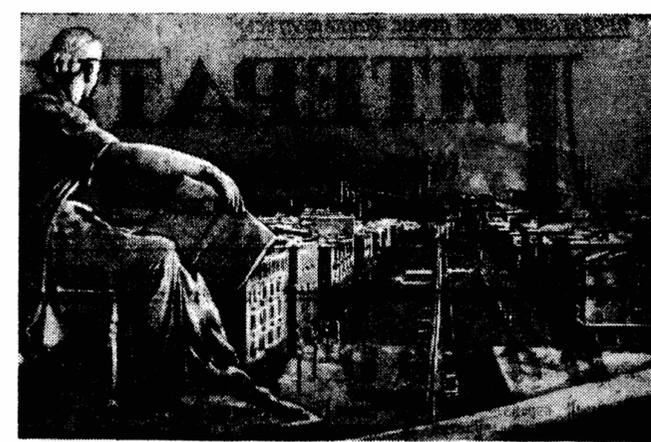
Материал полагается по темам. Каждая из них посвящена определенной области науки или техники и состоит из статей, последовательно раскрывающих основные вопросы данного тома. Поэтому статьи рассматриваются не в алфавитном порядке, а в соответствии с логикой содержания тома.

Каждая статья строится по возможности как самостоятельное целое, так как не предполагается, что читатель обязательно прочтет все предшествующие статьи.

Для удобства наведения справок в конце каждого тома прилагаются необходимые указатели, словари терминов и понятий.

Сведения, содержащиеся в школьных учебниках, считаются известными читателю (сюда относятся, например, изучаемое в пятом классе понятие масштаба, упоминаемое автором рецензии) и включаются в статью только в том случае, если целесообразно представить их в явном или в более углубленном аспекте.

Особое внимание отводится вопросам, имеющим большое принципиальное и практическое значение, но либо не представля-

С каждым днем благоустривается и расширяется старейший город металлургов — Минский Тагил. Коллектив строителей «Татгилстроя» успешно выполняет план первого года шестой пятилетки, сдав свыше ста тысяч квадратных метров жилой площади. На снимке: новые жилые дома на улице Ленина. Фото А. Гракова

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«И это — для детей?»

Вопрос геологии, вопросы искусства), либо изучаемым в школе слишком рано, без должной глубины (например, вопросы общего землеведения, которым посвящен том «Земля»), либо, наконец, изучаемым в школе слишком поздно, хотя предмет начинает интересовать школьников уже в средних классах (вопросы астрономии).

Академия педагогических наук хорошо понимает, что такой тип «Детской энциклопедии» не единственный.

Одним из типов энциклопедии для детей младшего школьного возраста является упоминавшаяся рецензентом «Детская энциклопедия» Ситина. Как известно, эта (далеко не совершенная) энциклопедия представляет русскую обработку старой английской «Детской энциклопедии».

Необходимо приступить уже сейчас к созданию оригинальной советской энциклопедии для детей младшего школьного возраста, используя то лучшее, что дает богатый зарубежный опыт, но не копируя его.

Президиум Академии уверен в том, что подготовленное Академией педагогических наук РСФСР издание найдет своего читателя среди советских детей, подростков и юношества и займет прочное место в школьных и общественных библиотеках. В этом убеждает нас итог широкого обсуждения макета тома «Земля», изданного в 1954 году. Макет подвергся обстоятельному рассмотрению на заседании комиссии, среди учителей, родителей, научных работников, в ряде детских библиотек, в Доме детской книги, Детизне, Доме ученых и в других организациях. Макет рецензировали многие крупные ученые и популяризаторы научных знаний, среди них Президент Географического общества СССР академик Е. Н. Павловский, академик Д. И. Шербаков и другие.

Абсолютное большинство полученных Академией отзывов положительно оценивает избранный Академией тип детской энциклопедии. Из общего числа семсот отзывов лишь тридцать имеют отрицательный характер (в это число вошли и отзывы, рекомендуемые другие типы издания детской энциклопедии, например, словарный). Во многих рецензиях содержались критические замечания, главным образом конкретного характера, направленные к улучшению качества издания. Итоги обсуждения позволяют утверждать, что общественность одобряет отсылку к макету первого тома. Поэтому никак нельзя согласиться с заявлением рецензента, что «макет не встретил одобрения широкой общественности».

В настоящее время Академия подготовила к печати первые два тома «Детской энциклопедии» («Земля», «Земная кора и недра земли и мир небесных тел») и ведет работу над подготовкой тома по биологии. Кроме того, заготовлены материалы для тома, посвященного химии и математике. На очереди работа над томами, посвященными промышленной и сельскохозяйственной технике, прошлому нашей Родины и зарубежным стран, литературе и искусству. Эта важная и трудная работа нуждается в поддержке общественности.

Расходы по подготовке «Детской энциклопедии» (авторский гонорар, оплата иллюстраций, расходы по изданию макета и др.) будут полностью возмещены при выходе в свет уже подготовленных томов. Академия считает необходимым выпуск «Детской энциклопедии» по подписке в ближайшее время.

Президиум Академии педагогических наук рассчитывает, что писательская общественность окажет необходимую поддержку изданию первой отечественной «Детской энциклопедии».

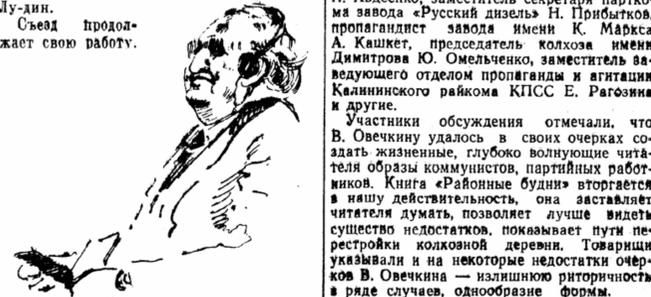
Образ партийного работника в литературе

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). «Образ партийного работника в советской художественной литературе» — такой теме была посвящена читательская конференция партийной и хозяйственного актива, организованная Сталинским и Калининским райкомами КПСС и библиотекой Выборского дома культуры. Конференция проводилась по книге очерков В. Овечкина «Районные будни».

После вступительного слова литературоведа Т. Ланной на конференции выступили секретарь партбюро Ленинград-Финляндского отделения Октябрьской железной дороги А. Авлеенко, заместитель секретаря парткома завода «Русский дизель» Н. Прибытков, пропагандист завода имени К. Маркса А. Кашкет, председатель колхоза имени Димитрова Ю. Омельченко, заместитель ведущего отдела пропаганды и агитации Калининского райкома КПСС Е. Рагозина и другие.

Участники обсуждения отмечали, что В. Овечкин удалось в своих очерках создать образы коммунистов, партийных работников. Книга «Районные будни» вторгается в нашу действительность, она заставляет читателя думать, позволяет лучше видеть существо недостатков, показывает пути перестройки колхозной деревни. Товарищи указывали и на некоторые недостатки очерков В. Овечкина — излишнюю риторичность в ряде случаев, однообразие форм.

В конце конференции выступил автор «Районных будней», рассказавший о том, как он работал над своей книгой, а также о своих творческих планах. В. Овечкин ответил на многочисленные вопросы читателей.

Греческий композитор Манолис Коломврис

Музыкальное творчество и критика

Музыкальная комедия становится радостным событием? Советское оперное и балетное творчество переживает пору своего становления, вот почему важно разобраться в причинах неудач, сделать выводы, которые помогут двинуться вперед. Докладчик подробно остановился на том, какой ущерб нанесла музыкальному творчеству «теория» бесконфликтности.

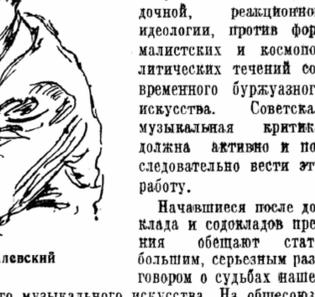
В большом долгу перед композиторами находится писатели. Они все еще равнодушны к нуждам нашего музыкального театра, а это открывает дорогу калтурщикам и ремесленникам, чьими услугами вынуждены порой пользоваться авторы наших опер, балетов и особенно музыкальных комедий.

Тов. Ярустовский говорит о том, каким должен быть положительный герой в музыкальных спектаклях. Далеко не все герои советских опер и балетов имеют облики подлинно живых людей, не у всех чувствуешь биение человеческого сердца.

Знавая с жизнью художественная критика может плодотворно содействовать развитию расцвету современного буржуазного искусства, выражать интересы народа, чутко воспринимать его духовные запросы, настойчиво и бережно воспитывать его эстетические вкусы.

Положительные результаты работы музыковедов наиболее ощутимы в собраниях и изучении наследства. Если же говорить об острых проблемах современной музыкальной жизни, то здесь достижения критики куда более скромные.

За последнее время наблюдается известное оживление музыкально-критической деятельности. Но долг советских музыковедов и музыкальных критиков еще далеко не исполнен. Нам нужны хорошие брошюры и книги, в популярной форме рассказывающие о советской музыке, нужны солидные научные монографии о крупнейших наших мастерах, нужны труды, в которых разрабатывались бы основные проблемы истории советского музыкального творчества.

Д. В. Кабалевский

о музыкального искусства. На общесоюзную трибуну делегаты съезда принесли свои работы, волнения, конкретные предложения. В выступлениях Ф. Козьмича (Украина), Б. Луккина (Чувашия), А. Артамонова (Ростов-на-Дону), Э. Каппа (Эстония), Б. Гибалина (Свердловск) прозвучал серьезный упрек руководству Союза композиторов и его секретариату за то, что жизнь местных творческих организаций не находится в поле их постоянного внимания. Музыковеды И. Рыжкин (Москва) и А. Сухор (Ленинград) остановились на вопросах музыкальной критики и теории. Композиторы В. Власов (Москва) и И. Алмониди (Ленинград) говорили о недостатках в организации пропаганды советской музыки. А. Кос-Анатольский (Львов) посвятил свое выступление проблемам национальной музыкальной специфики. Режиссер Р. Тихомиров в своем выступлении поделился мыслями о работе музы-

Британия, оценивавшие первые книги Владимира Луговского, видели в нем прежде всего — об этом теперь вспоминаешь с удивлением! — поэта «напряженного мускульного жеста», поэта волевого, энергичного, но не слишком склонного к философскому раздумью. И надо сказать, что творчество поэта давало основание для подобных выводов. Ведь сборник стихов, сделавший его имя известным, носил страшно демонстрационное название — «Мускулы» и лирический герой снова и снова подчеркивал свою нелюбовь к разсуждениям, свою готовность раствориться в стремительном движении:

Хочу позабить свое имя и звание, На номер, на литер, на кличку сменить...

И еще: Я обучаю простым законам: Верить, вставать, вырастать, драться...

Доверившись этой решительной автохарактеристике поэта, один из его критиков утверждал: «У Луговского нет проблемы взаимоотношений интеллигенции и революции... Нет таких проблем у Луговского, как Стодольников, Колетский и другие».

К счастью, эти слова отнюдь не стали пророческими! В следующем же сборнике Луговского — «Страдания моих друзей» (как показательное противопоставление подчеркнутой психологичности этого названия прежней мускульной упрощенности!) — проблема участия интеллигенции в революционном строительстве оказалась господствующей. А много лет спустя, в поэме «Москва — 1956», в поисках ответа на вековечный вопрос об отношениях между личностью и государством поэт пишет:

О, город мой, ты знаешь силу века, Ты знаешь тяжесть государства. Знаешь, Как в Петербурге грозный Медный Всадник Матушущую душу раздавал? Скажи, чем будет кончен вечный спор Между одной на свете единицей И государством. Между личным счастьем И государством. Между личной правдой И государством?

Совершенно чудно. Никто не будет вслед за мной скакать, Являя попойку столетней бронзой! Я сам поплыву по золотой стезе Той государственности, что велит Меня к родному ленинскому свету...

Да, первоначальная «волевая простота» оказалась лишь вступлением к большому раздумью и поискам. Вспомни, что тот же оставил в свое время и Николай Лихонов «голую скорость» баллада для того, чтобы пройти через экспериментальную условность поэмы «Лицом к лицу» и «Вьюра» к поэтической целостности и глубине «Юрга» и «Стихов о Казети». И это далеко не единственный возможный пример творческого беспокойства, побуждающего поэта «внесая» оставлять, казалось бы, «прочную», хорошо найденную линию и под крики недоумевающих пускаться в неведомое плавание, с тем чтобы затем достать новых, неоткрытых берегов...

Но ведь огромное большинство тех художников слова, которых волновала проблема интеллигенции и революции, решило ее, эту проблему, еще в годы первой пятилетки, в период, предшествующий первому съезду писателей... Со съездской тратубой прозвонил, поэты, драматурги загляды о том замечательном ощущении своего единства с народом, государством, которое открывало перед ними бескрайние возможности художественного развития.

Однако поэты, ограничившиеся лишь провозглашением своего нового, счастливого творческого самочувствия, не переходившие от слов — луский самых натицеских! — к созданию, на поверку оставшая втуне эти возможности и перспективы. Партия постоянно призывала и призывает художников активно вступать в жизнь, обращаться к постановке вопросов большого политического, общественного значения. Эта смелость мысли, самостоятельность обобщений и отличает все книги, ставшие заметным событием в духовной жизни народа.

Таковыми событиями, разумеется, не стали и не могли стать ни мелкобуржуазные, бездумные сочинения, ни риторические пафосы, ни пассивные описания в стихах и в прозе! Оттого-то и говорят нам так много поэмы и стихи Луговского, опубликованные на протяжении последних месяцев, что нас увлекает в них напряженное движение поэтической мысли. Не на выставку разрозненных копий и списков «с натуры» попадает читатель, а в широкий, многогранный мир образов, воплощающих и противоречивое развитие самой жизни, и думу, чувство художника — неотъемлемой частицы живой действительности.

«Берлин — 1936» и «Москва — 1956» — как само по себе красноречиво это сопоставление! Но поэт не удовлетворяется простым отображением подробностей, характеризующих два мира, две перспективы — различия или победы человечества. Он видит взаимосвязь фактов, изображает их не только в трех пространственных измерениях, но и в четвертом — временном. И потому, обращаясь к Берлину 1936 года, он не только запечатлевает монотонное и злое грохотание полков, железные кресла и громады маршей, треск барабанов, олеты и знамена, но и словно прозревает будущее третьего рейха и его апокалипсис — изобранный и неизбежный их конец.

Идите, смертники! Кивайте черепами Еще в кудрях, проборах и бровях... — восклицает он, обращаясь к тем, кто готовился со своими душегубками, газовыми камерами пройти через весь мир, обить танки в волнах Индийского океана; и этот рисунок одновременно фантастичен и безжалостно точен, прост и душителен. Так за пышностью парадов и пламенем пожаров проступает и «варварство глухое, казкого человечество не знало», и — еще дальше, еще глубже — «горечь поражения, чьи границы важнее побед и лучше для германцев» — заревой пролеток во тьме, окутанной Берлином.

Эта мрачная, словно грозное пророчество, поэма поставлена рядом с поэмой о свете мира, о городе, который стал источником передовых идей века, средоточием лучших сил современного человечества. Связь ли исторических событий, освещающих поэму, тождество ли стиховых форм сблизят эти произведения? Нет, историческое единство лежащих перед нами двух звеньев книги «Середина века».

И. ГРИНБЕРТ

ка — не только и не столько в общности темы и средств выражения, сколько в цельности и последовательности поэтического замысла. Луговский стремится охватить в своем стихе самую суть общественных закономерностей, противоречивости исторических процессов. И он добивается серьезной удаче прежде всего благодаря тому, что в самом течении образов ощущается напряжение настоящих поисков правды. Облик Ленина встает над всей поэмой, как знамя, как маяк, указывающий путь народу. Этот лейтмотив и ведет поэта сквозь все сомнения, неясности, прерывания. Поэт рассказывает и историю стихотворения, и одновременно историю самого себя — одного из современников, рассказывает честно, строго, не скрывая собственных ошибок, но умалчивая о зыбких своих иллюзиях, но постоянно сохраняя верность великой революционной цели.

Луговский вспоминает о тех чудесных, но незащищенных мечтах юности, когда все казалось очень ясным и легко достижимым. «Но это не так все было просто», — признается поэт в непрочности своих наивных представлений. Да, борьба за новое общество идет неизмеримо более сложными, порою противоречивыми путями, требует гораздо больше жертв и усилий. В трудах и боях разведывательного былого прекрасошине, и место его заняли сознательное, воодушевленное мужество, подлинная нравственная стойкость. Эта закалка была не легким процессом; ведь случалось и так, что восторженные романтики, столкнувшись с жестокой противоречивостью истории, падали духом, разочаровывались во всем, становились тупыми циниками, не верующими ни в сон, ни в чох, теми, кто мерит других людей лишь собственной убогой мерой.

Против этого пошлого скептицизма и выступает, по существу, Луговский. Он говорит с горечью и гневом о ледниках красноречья и чиновищней равнодушия именно потому, что его вдохновляют победы социализма. Он остро переживает трагические коллизии современности, ощущая вместе с тем, что «ленинский огонь еще светлей, чем свет трагедии». Он понимает и «тоску великих мировых открытий», сделанных «гордостью человечества», мудрцами, учеными, но обращаемам капитализмом в средства истребления и разрушения, понимает и не страшится, оттого что знает: вступил в атомный век, человечество одновременно вошло «в лучшее время правды» — правды коммунизма. Воодушевление здесь соединено с познанием, горячая убежденность — с широтой кругозора, емкостью охвата.

Эта сосредоточенность поэтической речи отчетливо выступает в лучших строфах поэмы. Луговский пишет, например:

Шаги, шаги, шаги, шаги, шаги. Шаги тяжкие, шаги слабые, Веселые шаги, шаги надежды И молодости, и решенья. Шаг Батальонов, Шаг полковой смены. Луканые и легкие шаги. Девственность, Усталый шаг ученых. Шаг физкультурников, широкий, четкий. Мечтательный и звонкий шаг весны.

Строки эти естественны, но и чрезвычайно напряжены. Читая их, убеждаешься в том, что белый стих может звучать так же сильно и весомо, как и стих, ощеренный рифмами. Отказ от рифмовки не снижает выразительности стихового слова, если соответственно возрастает богатство интонаций, образная насыщенность, энергия синтаксиса.

Это и добавляет Луговский: белый стих его многозначен. Концентрированность стихового строя и гибкость переходов ему необходимы; их требует постоянно происходящее в его поэмах сопряжение «далекоулетных» фактов, мыслем, чувств. Требуется самая чистая, избранная поэзия, — его желание рассказать о движущих силах современности, о том, как дает себя знать их мощное, монотонное развитие в различных сферах, казалось бы, вовсе не схожих, но близких событиям и судьбам.

Но отчего же в «Солдатово», в книге лирики, то есть в произведениях с совершенным другим кругом тем, вопросов и написанных совсем иначе, разрозненных и по рифмам, и по размерам, и по ритмам, читатель ощущает ту же «густоту» образов, то же стремление охватить, передать в строке широту и множественность жизненных связей?

Так происходит потому, что это жадное стремление почувствовать и познать пространный, огромный мир в его противоречивой целостности, во взаимосвязанности его отдаленных, казалось бы, граней и звеньев — отнюдь не «примем» и не преходящее «настроение» поэта, а коренная, становящаяся частью его творческого облика, в новых работах Луговского получившая наиболее зрелое и полное раскрытие.

В самом деле, цель эта возникла уже в стихах тридцатых годов, в циклах «Большевиком пустыни и весны». Но тогда случалось так, что широта охвата оказывалась величиной условной, оборачивалась беспредметной «планетарностью».

А порою явления разных рядов, в которых обращался поэт, так и оставались лишь названными, перечисленными одно за другим, но отнюдь не слитыми, не познанными как частицы единого целого... Теперь же Луговскому действительно удается в ключевых мифологизациях почувствовать его огромность, теперь поэт видит просторы, хотя бы и говорил он о самых малых вещах, находящихся на расстоянии протянутой руки. Страницы «Солдатово» словно распахнуты на все четыре стороны света, образы природы, возникающие в книге, далеки от односторонней «пейзажности», а изображаемые любви свободой от той плоской ограниченности, которая, как правило, называется «интимностью» и которая иногда дает себя знать, к удивлению, в творчестве поэтов, считающих себя публицистами, едва они заводят речь о своих сердечных переживаниях.

Почему же в стихах, составляющих книгу «Солдатово», нет ощущения тесноты, нет камерной односторонности переживаний? Да потому, что стремительный поток чувств идет поверх тематических барьеров, потому, что в каждом почти стихотворении присутствует образ бескрайней и единой жизни, не разгороженной искусственно рамочками на секторы и отделим.

Над необъятной Русью С озерами на дне

Заготовили гуси В зеленой вышине. — так начинается открывающая книгу стихотворение «Гуси». Но в этот полет птичьей стаи оказываются вовлеченными и вся сфера небеса, и «старый русский стих», и чудесное сплетение сказки и бытия... И в завершение — исполненный отчаянья, радости преодоления призыв:

Иных из них расцвет Рзулука, смерть, беда. Но путь веры — на север! На север, как всегда.

Нет, разумеется, это не только наблюдение поэта-натуралиста, не только описание птичьего перелета! Одно из стихотворений раздела «Весна» называется «Два Толстого». 4». Так вот адрес любимой женщины, навсегда запомнившийся поэту. Но находится этот дом не на улице, не в городе, а прямо В этом радостном мире, Что сроднился с тоской...

Сюда, в эту комнату, «влетают рассветы розоватой пылью», входит «мудрый Азия сон», было слышно, как «азанские реки жгут пакирской весны», было видно, как горят звезды, как светлеют горные выси... Вот какая это была любовь — настоящая, с врывами «мучительной страсти, и ревнивой беды», но вместе с тем, словно погруженная в будущую жизнь, и пространства не покидает читателя, когда от весны он переходит к лету, осени, зиме, из Средней Азии — на Урал, в Полесье, на Север, на Каспий... Да, не декларативны, подтверждены всем строем образов слова поэта:

Видишь всю землю, рожденную снова. Все, что забылось, — встает наяву. Каждая клеточка шара земного Тайно тебе говорит — я живу. Жизнь тебе говорит бесконечность манит. Где же предел? Мне не виден предел.

Быывает так, что, желая объять мироздание, художник терпит ощущение реальности многогранности, конкретности мира, так сказать, растворяется в эфире. К счастью, Луговскому это «марковидение» не только не ослабляет, но, напротив, обостряет «микровидение», помогает улавливать тончайшие оттенки красок, звуков, запахов. И люди, возникающие в его стихотворениях, также остро чувствуют живую прелесть природы: уши их открыты, глаза раскрыты, руки и разум творят. Окружающий людей «Солдатово» мир — это отнюдь не «фон» для изображения героев, а органическая среда, от которой их невозможно механически отделить. Как характерно, что людей, ему враждебных — эгоистических, хищных, своекорыстных, — Луговский как бы «отлучает» от жизни, обаявая их одиночеством и нравственную слепоту. Рисует портрет женщины, что «живет с каким-то жадным горем» и ненавидит «мир за то, что он просторен», поэт восклицает: «той женщине не быть ни ветром и ни морем» — и эти слова звучат одновременно, как обвинение и кара...

Нравственная и эстетическая оценка здесь тесно слиты. И это ощущение нераздельности красоты и общественного добра, быть может, и есть подлинная основа внутренней пириоты «Солдатово». Прекрасное и справедливое здесь едины, как едины они в наших идеалах — идеалах современного передового человечества, отвергающих и сухую назидательность догм, и самодовольство эстетов, равнодушных к народной жизни. Как ни удивляет Луговский маленькими тайнами лета, перелучистой дремой поздних жарких дождей, сменой весны и зим, в нем постоянно живут память и тревога о нашем времени, о нашей стране.

Оттого-то так высок тонус его образов. Луговский мастерски находит позиции, с которых единым взглядом «просматриваются» обширные просторы бытия, находит их в самых различных местах: на тропинке близ центрального аэродрома, в осеннем саду, в приглушенной ночной релакции. Поэт увидит, как «фотограф печатает снимки», и в этой простейшей процедуре, этом появлении в ванилке «мояр» и черной» новых и новых лиц — живых, смелых, выразительных, он являет воплощение самой жизни, с ее нескончаемой сменой судеб и поколений, с неиссякаемыми запасами человеческой энергии.

Но столько на пленке хороших Ушедших людей и живых. Чей путь через смерть переброшен, Как линия рельс мостовых.

Вот таких людей, спешащих жить, прокладывающих свой путь вперед и вперед, любит Луговский.

И лирический герой, в ночной пустынной сельской школе обучающийся судьбу молодых, и бывшие красноармейцы, штурмовые Перекон, — теперь академик и адмирал, беседуя о прошлом и грядущем, и тот ушедший из жизни «добрый великан», «облагодетель шара земного», которому посвящен цикл «Памяти друга», — все они строители нового общества, люди, живущие свободно, полно, страстно. Каждый из них стремится «жизни кушину жадно выпить до дна»... Виде подлинным жизнелюбием обладал только верный сын своего века и своего народа. Такой человек вернее увидит из маленькой школы, на сто верст окруженной ревками лесами, поймет, что «здесь оплот государства и наше бессмертье», скажет строгие, верные слова о правде...

Единым философски пронизанной столь не схожие по видимости и поэмы Луговского, и его книга лирики.

Насыщенность стиха жизненным содержанием — характерная черта творчества не одного только автора «Солдатово». Разумеется, четкая графика «Двадцатых годов», «Удача», «Волы» Мартынова так же далека от богатых оттенков, светлых и стальных образов Твардовского, как тонкая лирическая пастель «Маленького праздника» Смелкова — от буйных, кипучих красок «Почи весны» Луговского. Но во всех сильнейших произведениях нашей поэзии есть деятельная отзывчивость и воодушевленная энергия, готовность отвечать за все, что творится вокруг, — качество Луговского и так четко определенное вот в этих его стихах.

...Для тревожного сердца границы нет.

И оно утверждает, как высшая власть. Вечность жизни, простор ее.

ЧЕСТНО ИСПОЛНЕННЫЙ ДОЛГ

— Жили на свете знающие, умелые люди, которые из хитрости принуждены были детскими писателями, а на самом деле они готовили красноречивую и крепкую гвардию, — говорил перед войной А. Гайдар, но в одном из собраний. Эти слова не просто применимы к Б. Ивантеру — о нем можно смело говорить, как об одном из «организаторов» нашей детской литературы, объединившем лет тридцать назад вокруг журнала «Пионер», который он редактировал, замечательных авторов — писателей, художников, ученых.

Ударил военный набат, и ушел на фронт «старый поляк» Гайдар, был призван в армию Ивантер, наделил военную форму десанта других писателей. Одну из их новых задач можно было сформулировать так: прозвучит, «как закалена сталь», показать во весь рост вступившую в бой «молодую гвардию» страны социализма. Полные горделивого восхищения слова об этой гвардии народа мы находим в письмах Б. Ивантера к жене и дочери — этом своеобразном «фронтовом дневнике» писателя, который заканчивается его сборник рассказов и очерков.

«Очень хорошие, очень героические люди на фронте... Сподобил бы только господь бог написать об этом толково и хоть в какой-либо степени талантливо». Это написано примерно через месяц после прихода писателя в армейскую газету. Таких выписок можно сделать немало.

Б. Ивантер хорошо понимал, что ратный труд советских людей достоин воспеваия, заслуживает самых высоких слов. Но когда редактор газеты (лаконично, с юмором написан портрет этого молодого, но «играющего папушу», ходящего вразвалку усаца) спрашивает у только что прибывшего на фронт писателя: «...А можете ли вы, если я вам дам бант в четыре строчки, сделать из него очерк?», тот отвечает твердо: «...Я все могу, но делать этого не буду. Ибо высоко слово — отнюдь не общие слова. И нельзя воспевать «загадочно», высасывая подробности из пальца.

Много дней, недель и месяцев проводил армейский писатель среди воинов, он трясется на попутных машинах, лежит под огнем на передовой. Своей работой в красноармейской печати он не совсем доволен, а иногда и «очень» недоволен. «Выполняя пока темные поручения. Написал листовку о том, как сбивать из пулемета и винтовки немецкие самолеты». Правда, он сознается, что некоторые вещи сознательно «откладывает» для романа. И тем не менее «надо работать, работать, работать...» Ведь пришло понимание: «Уж можно бы писать. Людей много, масса героев, и тема, может быть, даже — рост человеческого мужества».

Проходит период накопления материала, творческого осмысления его, и вот радостный вывод: «Я очень рад, что нашел возможность сейчас для настоящей работы, литературной, с написанием. Конечно, в этих маленьких пространствах может быть много брака, да и чертовски трудно втискивать их в чудесно крошечный объем». Это написано 3 июля. А через два дня батальонный комиссар Б. Ивантер был убит осколком снаряда подле командира танка, о храбрости которого он собирался писать очерк...

Этот очерк не был написан. Но те фронтовые очерки и рассказы, которые он успел написать, читатель найдет в сборнике Б. Ивантера «Четыре товарища». Можно было бы остановиться здесь и на небольшой повести, давшей название сборнику (в ней хорошо передана романтика гражданской войны, в которой юношей участвовал автор), и на других произведениях этой честной и правдивой книги. Моя задача — заняти тересовать читателя личностью писателя гайдаровского склада, человека «с головой, уже тронутой сединой, но с глазами и сердцем юности», как написали в коллективном письме-некрологе фронтовые товарищи Ивантера.

К. ЛАТИН

ЗРИМО, ЯРКО

Неистребима жажда в человеке видеть, слышать, знать, одним словом, полно и ро в — во всю силу своих духовных и физических возможностей жить, воспринимать и понимать окружающий его мир. Ничто не может убить в человеке этого желания:

Закрыто силой, — ты глаза раскрой: Нам видеть мир дано лишь раз, не боле — Деревья, женщины, закат, прибой. Закрыто силой, — ты глаза раскрой, До слез гляди. Пусть, надвигая рукой, Закрыто силой, — ты глаза раскрой: Нам видеть мир дано лишь раз, не боле (Перевод Н. Волыгин)

Тамими словами открывается книга грузинского поэта Григола Абашидзе «Горы и скалы». Читая ее, ощущаешь, что у поэта, действительно, широко раскрыты глаза на мир, что видит он много, чувства его искренни, а мысли глубоки и оригинальны.

Г. Абашидзе — поэт пластического изображения мира, он идет почти всегда от зрительного образа:

Как юзы рожки, нежно выступают Побели вновь посаженной лозы. (Молодой виноградник)

Еще вчера печальная, нагая, Сегодня алыча белым-бела. Не меленьку ли работать помогаю, Она всю ночь на мельнице была? (Пробуждение)

О чем бы ни писал поэт, он всегда дает зримый, четкий рисунок того, что его возмущало, — приход ли весны, встреча с любимой, новые стройки, картины героического прошлого Грузии,

Последняя тема — тема исторического прошлого — выделена в книге разделом «30 рокн истории». Пожалуй, самое характерное в этом разделе — стихотворение «Вечно в леспах» (перевод И. Тихонова), где дан ярко персонализированный образ народа, история которого была большой и трудной.

Он строил храм — в колыханье плечи были. Писал о тигре книгу в блеске лат. От людности татар изнемогал. Он даже ярым персидским нестудулен. Он даже спал, пользуясь не силой, И за столом — в стальной рубашке он.

...Но умение хорошо видеть окружающую действительность и передавать ее в пластических образах не может еще обусловить настоящий успех стихотворения. Определяющей является мысль, которая в свою очередь должна явиться откровением чего-то нового, не известного доселе читателю. Эта обогащающая читателя мысль волнует нас в стихотворениях «Зажжемте светоч...». «Не верю я словам стихов прекрасных...». «Мир охватит умом и чувством...». А в других стихах этой силности большой мысли и яркого образа нет. Вот на первый взгляд хорошее стихотворение «Так просыпается Самгори». Как оно написано? Известно, что оросительный канал превращает пустынную степь в плодородную. И вот эта общезвестная истина облачается в красивые одежды образов, рифм, метафор и сравнений:

Снежным ветром развеваны тяжкие сны, И тревонно гора ожидает сигнала. Чтот студеною обидет норской волны Бросить в прочные юбки чужого канала.

Не правда ли, сильно сказано? И хорошо переведено А. Межировым. (Кстати, переводы в книге — И. Тихонова, Н. Зарубоцкого, А. Тарковского, В. Звоничева, А. Межирова и др. — на высоком уровне.) Но, к сожалению, от красивой одежды истина не становится глубже и новее. Мысль остается той же самой: вода делает засушливые земли плодородными. А где же поэтическое открытие? Что нового сказано в этом стихотворении о человеке и о Самгори?..

«Горы и скалы» Г. Абашидзе — по настоящему поэтическая книга. И, как всякая хорошая книга, она будит мысль, в частности желание в чем-то поспорить с автором, и если в этой маленькой рецензии нашлось место для критических замечаний, то это не умаляет радости, которую испытываешь, прочтя книгу.

М. КВЛИВИДЗЕ

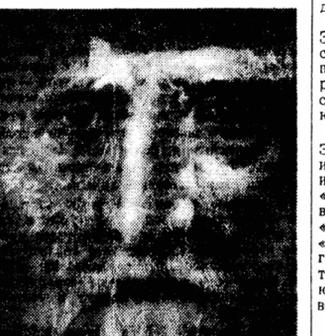
ИНТЕРЕСНОЕ ОТКРЫТИЕ

Издательство Академии наук СССР выпустило в свет книгу академика И. Э. Грабаря, которая после недавней юбилейной выставки Рембрандта вновь привлекла наше внимание к творчеству великого художника. Однако книга, о которой идет речь, не является монографией обычного типа. Она посвящена одной и при этом до сих пор неизвестной картине, открытию которой мы столь же обязаны случаю, сколько многолетнему опыту наших реставраторов.

История открытия картины вкратце такова. Весной 1951 года среди так называемого «музейного хлама», полученного Центральной художественно-реставрационной мастерской для экспериментальной и учебной работы, была обнаружена старая дубовая доска, склеенная из пяти частей. На ее поверхности даже самый острый глаз не мог заметить никаких следов изображения. Живописный слой, если он сохранился, был скрыт слоем сильно потемневшего лака, с разводами многочисленных трещин. И тем не менее старая доска привлекала внимание своим видом. Ее стали исследовать: очистили от пыли и грязи, сделали ряд опытов по освобождению живописного слоя. И наконец, усилия реставраторов были вознаграждены. Снова осветившему пленку лака на доске выступила мастерски написанная голова старина с седой бородой и в широком надетом нааносе берете — портрет, вызвавший у И. Грабаря, руководившего процессом реставрации, предположение об авторстве Рембрандта.

Среди картин старых мастеров, которые мы уже давно привыкли видеть на стенах наших галерей, далеко не все имеют авторскую подпись. Историческое искусство и работники музеев немало потрудились над установлением этого авторства. На протяжении последнего столетия изучение живописи старых мастеров способствовало целому ряду открытий. Многие предположения давности отвергнуты. Некоторые же картины и по сей день являются предметом научных споров.

Описанием новооткрытого портрета старина с седой бородой И. Грабарь предпосылает критический обзор произведений раннего Рембрандта, открытые различными исследователями за последние 50—70 лет. Он выдвигает свои принципы и методику исследования картин, ведущие к цели как бы с двух сторон: путем аналогий, сопоставлений, изучения приемов письма, проверки подлинности подписей, дат и т. д. — иначе говоря, путем исторического и стилистического анализа; и, во-вторых, путем реставрационного обследования живописи (доска, грунт, красочный слой и т. п.) с применением микрото-

Портрет в процессе расчистки

графировании деталей, рентгеновских снимков и химического анализа краски. Метод сопоставлений и аналогий, которым пользуется Грабарь, представляет особый интерес. Из ранних произведений Рембрандта Грабарь выбирает рисунки с изображениями стариков, а вслед за этим приводит портреты стариков, которые Рембрандт писал масляными красками и которые так часто встречаются среди его произведений лейденского периода. Именно к этой группе вещей конца 20-х — начала 30-х годов XVII века Грабарь относит и новооткрытый портрет, находя в нем не только те же стилистические особенности, но и черты внешнего сходства. «Во многих случаях...» — пишет Грабарь, — легко узнать нашего старика, видимо, исключительно полюбившегося Рембрандту и постоянно ему поправлявшего в его мастерской в Лейдене... Он в той же шубе с меховой оторочкой, у него то же строгие головы, та же борода и пышные седые локоны на висках».

В своем стилистическом анализе Грабарь много внимания уделяет приемам живописи Рембрандта, особенно тем, которые отличают его от знаменитых итальянских живописцев его времени. Сравнивая, кроме того, рентгенограммы новооткрытого портрета с произведениями Рембрандта из армянского собрания, автор книги находит в них прямое тождество основных технических приемов.

Последний аргумент, который приводит Грабарь для обоснования своего утверждения связан с вопросом о дате создания портрета и подписи, найденной в его правой верхней части. История искусства знает немало случаев ложных подделок подписей художников. Сами по себе они еще не могут служить неопровержимым свидетельством подлинности картины. Но, устанавливая сходство открытой реставраторами подписи Рембрандта на его офортах, Грабарь рассматривает этот факт в качестве еще одного доказательства.

Несомненно, что новооткрытый портрет Рембрандта и посвященная ему работа Грабаря вызовут интерес историков искусства и широкого зрителя.

М. НЕЙМАН

КАК ВОСХОДИЛО СОЛНЦЕ...

Эту книгу нельзя читать без волнения. И по многим причинам. Волнует ее сюжет, динамичный, пружиной развертывающийся, — сюжет, которым движет не изобретенная авторская выдумка, не хитроумный вымысел, а истинные факты грозных и незабываемых дней гражданской войны. Волнует и то, что повесть «Марьичанские ребята» написана живым свидетелем и участником тех грозных событий. И еще то, что этот участник, этот живой свидетель стал одним из первых якутских советских писателей, и повесть его, адресованная нашему юношеству, — одно из самых первых произведений художественной прозы, написанных на якутском языке.

Становление Советской власти в далекой Якутии — это пылающая огнем страница истории. На окраину страны — в глухую тайгу, к угрюмым горным кряжам, на безлюдные заснеженные тропы черным вороньем слетались враги молодой Советской республики, вышibanые из центральных областей, с Урала и из Сибири. Эсеры и анархисты, кулаковские офицеры и битые атамань при поддержке местных богачей — «тобонов» пытались задушить молодую, еще не окрепшую власть Советов в Якутии. Писатель Эрилик Эристин ярко, с подробностями, которые могут быть известны только очевидцу событий, рассказал о том, как поднялось на защиту новой жизни все лучшее и светлое, что было в якутских селениях.

Мы видим, как вырастают в подлинных революционных борцов смелые юноши из Марьичана. От первых революционных вылазок, от расклевки мятежных листовок до сознательной и истинно самоотверженной борьбы в партизанских отрядах, в батальонах Красной Армии — таких их трудный и славный путь.

Мы надолго запоем всех этих ребят. Они разные, непохожие, но, пожалуй, одинаково близкие сердцу читателя. Так любовно рисовал их портреты Эрилик Эристин. Вот сын мясника Коля Манасов — сдержанный и вроде бы немногословный паренек, ставший таким пламенным оратором агитатором и воином. Не забыть нам и горячего, словно рожденного для походов и опасностей Сено Оюева, и милого неказистого Кешу Тускаева, нулацкого сына, поравшего со своими родичами и смело перешедшего на сторону революции.

Мы видим в повести и сильные образы старших товарищей, ставящихся «марьичанских ребят», и среди них Ивана Ивановича Чинарина, школьного учителя и одновременно верного ученика «сильных большевиков».

Много мы пели песен о гражданской войне, много видели фильмов и читали книг, но повесть Эрилика Эристина, талантливо переведенная на русский язык А. Ольшом, воспринимается как нечто новое, доселе мало известное нам. Вследствие борьбы за Советскую власть, в Якутии были весьма специфичны. Тут складались и своеобразные обычаи, неким сложившегося жизненного уклада, и даже своеобразия природы.

Манера повествования у Эрилика Эристина — сдержанная, суровая, под стать событиям, о которых он рассказывает. Ное-где, и сожалению, эта благородная авторская манера переходит в суховатую информативность, в слишком беглый пересказ.

Природу своего прекрасного края Э. Эристин передал в повести без излишней крикливых красок, скупое и точно. Запоминаются и тучи, которые «растали», словно шкурки на невидимых распалках; и небо — бледное, «словно выгоревшая парусина»; и «мерзлые ленточки ручьев»; и многое другое. Прочтешь книгу, и покажется, будто сам не раз бродил возле якутских юрт, над которыми висят в морозном воздухе розоватые столбики дыма.

Хорошая повесть!

Анатолий АЛЕКСИН

ВЕРНОСТЬ ИДЕЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

буржуазных политиков — русских, французских, немецких, английских, американских. В этом была сила и слава нашей великой революции. В этом лозунге наиболее глубоко осуществлялось единство между волей народа и программой большевистской партии, вся деятельность которой была направлена против империализма и войны.

В самом первом воззвании Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов «К гражданам России», датированном «25 октября 1917 г. 10 ч. утра», говорилось: «Дело, за которое борется народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено».

Знакомим мир и коренные социальные преобразования — эти задачи поставлены рядом. Здесь слились воедино два устремления: построение социализма в стране и внешняя политика мирного сосуществования.

Но именно эту неразрывность двух самых важных принципов нашей революции склонны кое-кто забывать. На капиталистическом Западе именно сочетание мира и коммунизма считается наиболее опасным, «сплошным» и непримемлемым. Вспомните, с 1917 года по 1957-й формула «Запад» или «Запад» гласит: сначала измените ваш внутренний строй, откажитесь от идеологии коммунизма, а потом мы обдумаем, — можно ли с вами «сосуществовать»...

Характерна в этом отношении недавняя статья неизвестного бельгийского правого социалиста Поля Апри Спаака, ныне избранного генеральным секретарем Северо-атлантического блока. Она помещена в американском еженедельном журнале «Форин афферс», датированном январем 1957 года, и носит название «Запад в замешательстве».

Вот как описывает Спаак события последнего года. «Лишь вчера, — вспоминает он, — мы жили более или менее спокойно, в обстановке уменьшившейся международной напряженности, восторженно применяя принцип мирного сосуществования, выдвинутый XX съездом Коммунистической партии». Под «мы» Спаак, выступая в американском журнале, подразумевает, очевидно, Союзные Штаты Америки, державу, ни разу не заявившую, что она «согласна на мирное сосуществование с социалистическим миром. Тем не менее он утверждает, что «восторженно» встретил решения XX съезда, касавшиеся сосуществования государств разных систем.

Дальше, оказывается, все изменилось. «Иллюзии рассеялись», — пишет Спаак, — «мы как будто свалились с небес на землю; (?) советской политике снова опасно («ли») асы». Невозможно догадаться, что расстроило Спаака, на что именно он рассчитывал, читая решения XX съезда, и почему теперь свалился «с небес». По видимому, он надеялся на какое-то изменение нашей идеологии, а теперь горестно восклицает: «Советский Союз остается полностью коммунистическим, он стремится к победе коммунизма», хотя, — признает Спаак, — «в то же время он (Советский Союз) хочет избежать войны». Идут очередные выпады против коммунизма, и, наконец, следует вывод: «никакой общей для обеих систем цели найти нельзя». Коротко говоря, сосуществование невозможно.

Все, что утверждает Спаак, — сознательная ложь, и он великолепно знает, что это ложь. В отношении мира и мирного сосуществования решения XX съезда, при всем их громадном историческом и теоретическом значении, не открыли для Спаака ничего неожиданного. Он знает, что за сосуществование Советский Союз стоял всегда, неизменно, последовательно. Это основа, генеральная линия ленинской внешней политики нашей партии и государства. Октябрьская революция провозгласила желание нашей страны жить в постоянном мире со всеми странами.

Однако здесь было и есть одно «но», весьма существенное для клин господствующих в капиталистическом обществе. Мы — мир и деловое сотрудничество, но без владычества в нашей стране междунациональных капиталистических монополий, на что можно было рассчитывать и в России Романовых, и в России Керенского. Социализм, с первых же его шагов в той или иной стране, предполагает полную экономическую независимость, самостоятельность, свой смелый и решительный путь.

В этом-то и причина отказа правящих кругов Запада от мирного сосуществования двух различных систем на земном шаре. В этом же причина их глобальной ненависти к народному Китаю, который перестал быть их покусонной. В отказе от мира и мирного сосуществования, в запугивании нас войной они и видят способ заставить повернуть назад, к капитализму, нас, Китай, страны народной демократии.

Только буйварные писатели Запады делают вид, что их оттолкнула какая-то «педальность» Советского Союза. Не так Спаак. Он воображает или делает вид, что воображает, будто Советский Союз склонен отказаться от всеобщих социалистических принципов своей внутренней и внешней политики. А теперь, видите ли, его «идиллия» рассеялась.

Два слова о «идиллии». Дипломатическая вежливость абсолютно необходима. Это требование относится не только к профессиональной дипломатии, но и к печати, к радио, к общению с туристами. И оно блестяще выполняется советской стороной. Оно, это требование, большей частью шло выполняется культурнейшими странами Запады. Во всяком случае только капиталистический мир ввел в практику «отношений» с людьми из Советской страны и из других стран социализма погромные призывы в печати и на улице, битые стекла в посольствах, а иной раз и убийства дипломатических представителей, открытые, публичные призывы к войне и атомному уничтожению...

Во всяком случае, не какая-либо наша вежливость рассудила руководителей внешней политики «Запада». Их сервит то, что мы коммунисты.

В 1918—1920 гг. на первом плане общего буржуазного фронта против нас

выступали Англия и Франция. Они вышли победителями в первой мировой войне, сократили Германию. Перед ними открылась перспектива огромного расширения их господства над другими народами. При всей ожесточенности их конкуренции с США и Японией главным препятствием представлялась им республика Советов. Еще бы! Какие-то русские мужланья, слабые и отсталые по всем империалистическим меркам, не желают подчиняться «закону» капитализма: слабый, покоришься, плати, работай, давай сыльно доходы и власть! Вот почему Советскую республику, с их точки зрения, надо было уничтожить.

Позднее во главе антикоммунистического похода встала гитлеровская Германия. Для фашизма, претендовавшего на мировое господство, Советский Союз был бельмом на глазу. Ненавистна была не столько сила Советского Союза, сколько сила советских идей: пока существует на свете коммунизм, пока идеи социализма успешно воплощаются в жизнь в какой-либо стране, — разве можно мечтать о мировом господстве фашизма!

После второй мировой войны главными ненавистниками Советской страны, социализма и коммунизма стали американские монополии. Речи г-на Даллеса, исполнителя официального представителя США, говорят сами за себя. Он их произносит почти каждый день. И всякий раз объясняется в лютой ненависти к нашей стране. Наша вежливость его даже раздражает. Не желание торговать и обмениваться культурными ценностями он объявляет маскровкой, пропагандой. Это он и его единомышленники пытаются повесить «железный занавес» между народами Запада и Востока.

А объясняется эта «передача эстафеты ненависти» — от западноевропейских демократий к фашистской Германии, а от нее к Соединенным Штатам Америки — просто: ныне эта великая держава претендует на мировое господство. Препятствий к осуществлению этого намерения немало: желание других стран быть независимыми, национально-освободительное движение в колониях... Но главное препятствие все то же: существование социалистического строя в ряде государств. И оно значительно выросло с 20-х и 40-х годов: теперь по социалистическому пути идут народы стран, население которых превышает уже 900 миллионов человек, сила и материальная мощь которого уже выросли, а сила идей стала еще более притягательной.

Достоин сожаления, но, видимо, неслучайно своеобразный «закон» жизни империалистического капитализма: именно та держава, которая возглавляет антисоветский «крестовый поход», которая яростнее других отказывается от мирного сосуществования двух противоположных систем, становится и цитаделью реакции. Именно в этой стране правящие круги продают забвению и пролетариату все лучшие ценности ее собственной истории, все идеи, близкие революции. Именно такая страна становится главным источником беспокоества для миролюбивых людей во всем мире.

Американские государственные деятели возмущают: ни за что не будем сотрудничать ни с Советским Союзом, ни с Китайской Народной Республикой, ни с другими странами социализма, пока «коммунизм» не изменится, пока он не станет «либеральным», приемлемым для американских монополий...

На это им дан ответ тысячу раз. Мы не собираемся «умиротворять» империалистов, отказом от священных своих ценностей, от наших идей, от строительства коммунизма. Мы готовы жить в мире со всеми капиталистическими государствами, честно сотрудничать, торговать, укреплять и расширять культурные связи. Мы решительно против какого бы то ни было «железного занавеса». Больше того, вместе с западными державами мы готовы защищать мир всюду — в Европе, в Азии, на Ближнем Востоке. Но коммунистами были и останемся. Может быть, и найдутся где-нибудь люди, именующие себя коммунистами, но в то же время уверяющие, что они в американском смысле «хорошие», «мирные», обожающие Америку со всеми ее бомбами, нетерпимостью, расовой ненавистью... Это не мы. Мы — Советский Союз, страна величайшей свободы и переловой демократии, страна, строящая коммунизм, страна нового, более высокого социального строя, идущая вперед семимильными шагами. Мы сильны и потому предлагаем всем странам мир.

Очень живы и занимательны все главы повести — и о пребывании Алана в больнице, и об обучении в школе, где хозяйничает так часто прибегающий к палке м-р Тэкер, и о друзьях Алана. Но прежде всего это книга об отце Алана, простом всегдашней лошадей, человеке неординарной силы воли и практической сметки, который твердо решил превратить своего сына из жалкого инвалида в человека, чувствующего себя в австралийских «зарослях», как дома.

Повесть дает верные и правдивые зарисовки быта Австралии начала века, с ее бродягами — «свзгменами», с ее дивестивной природой той поры, когда лишь появились первые автомобили, пугавшие конские табуны. Она согрета теплым чувством любви к людям, к родной стране. Маленький Алан мечтал стать писателем, и отец говорил ему, что писать стоит только правдивые книги, помогающие людям. Такую книгу и написал Алан Маршалл.

Перед читателем проходил один за другим эпизоды трудного и в то же время полного своих нехитрых радостей детства Алана. Знакомимся с героями книги, и каждый из них остается в памяти: и ласковая сестра из больницы, где лежал Алан, и его сосед по палате, и старый австралиец Питер Маклод, учивший Алана тайнам лесной жизни, и лесорубы, скрывающие свою тяжелую труд песнями о людях, «скользящих по небу», не хотевших жить в «рабстве». Каждый из этих персонажей наделен своими особыми чертами, и о каждом из них автор пишет с искренней симпатией. Что же касается «улыбки» тому, как хорошо сумел Маршалл показать психологию ребенка: и маленького героя кин-

тальный рассказ, читающийся с неослабевающим интересом.

Очень живы и занимательны все главы повести — и о пребывании Алана в больнице, и об обучении в школе, где хозяйничает так часто прибегающий к палке м-р Тэкер, и о друзьях Алана. Но прежде всего это книга об отце Алана, простом всегдашней лошадей, человеке неординарной силы воли и практической сметки, который твердо решил превратить своего сына из жалкого инвалида в человека, чувствующего себя в австралийских «зарослях», как дома.

Повесть дает верные и правдивые зарисовки быта Австралии начала века, с ее бродягами — «свзгменами», с ее дивестивной природой той поры, когда лишь появились первые автомобили, пугавшие конские табуны. Она согрета теплым чувством любви к людям, к родной стране. Маленький Алан мечтал стать писателем, и отец говорил ему, что писать стоит только правдивые книги, помогающие людям. Такую книгу и написал Алан Маршалл.

Перед читателем проходил один за другим эпизоды трудного и в то же время полного своих нехитрых радостей детства Алана. Знакомимся с героями книги, и каждый из них остается в памяти: и ласковая сестра из больницы, где лежал Алан, и его сосед по палате, и старый австралиец Питер Маклод, учивший Алана тайнам лесной жизни, и лесорубы, скрывающие свою тяжелую труд песнями о людях, «скользящих по небу», не хотевших жить в «рабстве». Каждый из этих персонажей наделен своими особыми чертами, и о каждом из них автор пишет с искренней симпатией. Что же касается «улыбки» тому, как хорошо сумел Маршалл показать психологию ребенка: и маленького героя кин-

тальный рассказ, читающийся с неослабевающим интересом.

Очень живы и занимательны все главы повести — и о пребывании Алана в больнице, и об обучении в школе, где хозяйничает так часто прибегающий к палке м-р Тэкер, и о друзьях Алана. Но прежде всего это книга об отце Алана, простом всегдашней лошадей, человеке неординарной силы воли и практической сметки, который твердо решил превратить своего сына из жалкого инвалида в человека, чувствующего себя в австралийских «зарослях», как дома.

Повесть дает верные и правдивые зарисовки быта Австралии начала века, с ее бродягами — «свзгменами», с ее дивестивной природой той поры, когда лишь появились первые автомобили, пугавшие конские табуны. Она согрета теплым чувством любви к людям, к родной стране. Маленький Алан мечтал стать писателем, и отец говорил ему, что писать стоит только правдивые книги, помогающие людям. Такую книгу и написал Алан Маршалл.

Перед читателем проходил один за другим эпизоды трудного и в то же время полного своих нехитрых радостей детства Алана. Знакомимся с героями книги, и каждый из них остается в памяти: и ласковая сестра из больницы, где лежал Алан, и его сосед по палате, и старый австралиец Питер Маклод, учивший Алана тайнам лесной жизни, и лесорубы, скрывающие свою тяжелую труд песнями о людях, «скользящих по небу», не хотевших жить в «рабстве». Каждый из этих персонажей наделен своими особыми чертами, и о каждом из них автор пишет с искренней симпатией. Что же касается «улыбки» тому, как хорошо сумел Маршалл показать психологию ребенка: и маленького героя кин-

тальный рассказ, читающийся с неослабевающим интересом.

Очень живы и занимательны все главы повести — и о пребывании Алана в больнице, и об обучении в школе, где хозяйничает так часто прибегающий к палке м-р Тэкер, и о друзьях Алана. Но прежде всего это книга об отце Алана, простом всегдашней лошадей, человеке неординарной силы воли и практической сметки, который твердо решил превратить своего сына из жалкого инвалида в человека, чувствующего себя в австралийских «зарослях», как дома.

Неудачи Аллена Даллеса

Братья Даллесе — завзятые путешественники. Джон Фостер налетел около полутора миллиона километров. Аллен Даллес, вероятно, покрыв не меньшее расстояние, но по роду своей работы он предпочитает развлекать без рекламной шумихи. Однако характерно, что, порхая из страны в страну, оба путешественника не любят, когда в далекий путь устремляется молодежь разных стран. Международные праздники и спортивные игры молодежи их не устраивают.

Как известно, государственный секретарь США мистер Джон Фостер Даллес недавно дал указание своим подопечным в странах, опутанных сетями НАТО, принять меры к тому, чтобы правительства этих стран всячески препятствовали участию юношей и девушек в предстоящем VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. И это далеко не первый разговор братьев Даллесов против братства юных.

Еще задолго до прибытия американской спортивной делегации на Олимпийские игры в Мельбурн в Австралию прилетела сборная команда американских профессиональных шпионов и провокаторов во главе со своим капитаном — главой Центрального разведывательного управления США Алленом Даллесом. В то время как организаторы олимпиады трудолюбиво готовили спортивные площадки к состязаниям и с беспокоеством осведомлялись в бюро погоды о том, какой климат уготовила спортсменам небесная канцелярия, команда Аллена Даллеса готовила почву для антисоветских провокаций и заговора нагнетала трозовую атмосферу вокруг советских спортсменов, которые вскоре должны были прибыть.

Прежде всего Аллен Даллес договорился о координации действий американской, австралийской и английской разведок. Затем по его указанию были организованы антисоветские митинги, на которых выступали кадровые разведчики и продажные эмигрантские главарь. Они страшли австралийцев, рисуя советских людей похожими на самые мрачные персонажи американской детективной литературы.

Но все это была, как говорят в спорте, лишь прикличка сил. По-настоящему команда Аллена Даллеса вступила в игру, когда в Австралию прибыли советские спортсмены. В ход пошел весь арсенал приемов, заперенных элементарными моральными нормами. Американские агенты пытались подкупить наших юношах и девушками «красивые документы» и фотоискусными военными «шпанаж». Подчиненные мистера Аллена Даллеса, бывшие среди переводчиков и обслуживающего персонала, следили за каждым шагом советских спортсменов. Пользуясь всякой удобной возможностью, они рылись в их личных вещах и, видимо, не довольствуясь гонорарами Даллеса, прихватывали из чемоданов спортсменов деньги и кое-какие вещи.

Они буквально засыпали наших спортсменов злобой антисоветской литературой, прелюдаторно напечатанной за океаном. Иной раз эта писанина была уложена в обложки советских журналов и брошюр. Руководителям нашей делегации пришлось поспешить администрацию спортивного городка навести чистоту и вывезти прочь этот мусор. Интересно было наблюдать, как люди Аллена Даллеса, выступавшие под видом обслуживающего персонала, выполняли эту, не входящую в их обязанности работу по оклеиванию территории спортгородка от антисоветской пропаганды.

Американская разведка усленно старалась навязать советским спортсменам знакомство с молодыми женщинами — своими агентами, которые более чем настоятельно предлагали «весело провести время». Ведомство Даллеса пыталось использовать испытанных провокаторов для насильственного похищения советских спортсменов. Однако американские мастера «киндша» быстро убедились, что это неизмеримо труднее, чем красть младенцев из колясок в Нью-Йоркских парках. Зато с похищением потерпевших удалось блестяще осуществить, — это выпустить восемь живых крыс, вымазанных красной краской, на банкетный стол, за которым сидел Владимир Куд. Дика хулиганская выходка вызвала чувство омерзения у всех, кто присутствовал на банкете, омерзения к провокаторам.

Команда Аллена Даллеса потерпела сокрушительное поражение. Не только своими спортивными успехами, но и поведением, всем своим моральным обликом наши спортсмены быстро завоевали уважение и симпатии австралийцев и спортсменов других стран. А когда советские спортсмены близко поружились с американскими спортсменами, мистер Аллен Даллес, вероятно, поучуствовал себя кокаутирован-

Снимок греческого журналиста Д. Михалидиса, опубликованный в румынском журнале «Флора».

Увидя Аллена в столь бедственном состоянии, Джон Фостер поспешил оказать ему братскую помощь — грозной радиодепешей госдепартамент категорически запретил американским спортсменам поддерживать дружеские отношения с советскими «коллаборационистами». Того же, кстати сказать, требовал в своих посланиях и пресловутый сенатор Маккарти. Не зная, как отомстить за поражение Аллена, Джон Фостер отказал в выдаче американских транзитных виз тридцати советским людям, решившим возвратиться на родину воздушным путем, а позднее не выдал виз в Москву и американским хоккеистам, которые должны были принять участие в розыгрыше первенства мира по хоккею с шайбой.

Но братство юных преодолело все прокисы противников международного сотрудничества. Дружба между спортсменами всего мира, так ярко проявившаяся во время олимпиады в Мельбурне, должна процветать. Хочется надеяться, что молодежь разных стран и континентов сумеет преодолеть все препятствия и придет этим летом в Москву, где ей будут оказаны дружеский прием и гостеприимство.

Н. САВИН

КИПР БОРЕТСЯ

Террор английских колонизаторов на Кипре не ослабевает. В середине марта весь мир облетела весть о кровавой расправе английчан над студентом Палликардисом. В ближайшем будущем 43 отважных киприотов должны предстать перед судом по обвинению, которое в условиях чрезвычайного положения влетает за собой смертную казнь. Но никакой террор не может сломить волеюлюбивых киприотов. Этот маленький мальчик — символ борющегося Кипра. Два английских вооруженных полицейских ведут его в тюрьму. Но на лице мальчика — ни тени страха, ни слезинки.

Куда? Куда его ведут? В тюрьму? В конспиратив или в суд? За что? За что он ими взят? Кто от него они хотят? Что сделал юный киприот?! Сказал, что любит свой народ!

Сергей МИХАЛКОВ

Снимок греческого журналиста Д. Михалидиса, опубликованный в румынском журнале «Флора».

НОВОЯВЛЕННЫЕ КРЕСТОНОСЦЫ

Этой зимой на Альбанских холмах близ Римма открылось странное учебное заведение. Руководит им отец-ректор Риккардо Ломбарди. Вместо мальчиков и девочек, которых, казалось, можно было бы встретить здесь по утрам, к подъезду школы подъезжают на роскошных лимузинах всевозрастные ученики — епископы, священники, видные римские юристы и политические деятели, представители аристократии и католических профессоров.

Основное место в учебной программе уделяется изучению деятельности коммунистических организаций и способам борьбы против них. Изучение это носит далеко не академический характер. Отец Ломбарди широко заявляет, что деятельность «восстания христиан» для подавления «восстания коммунистов» — лучший момент для такого восстания наступил — именно сейчас. Таким образом, в мирных намерениях крестоносцев отца Ломбарди заподозрить никак нельзя.

Еще до создания школы отец Ломбарди развлек широкую «просветительную» деятельность в католических кругах, считая своей задачей втянуть как можно больше людей в новый крестовый поход. В течение трех лет он дал, так сказать, домашние уроки «антикоммунистическим наукам» 3015 священникам, 260 епископам и двум тысячам мирян. Это было до некоторой степени кустарный способ обучения. Для рационализации учебного процесса он и создал Альбанскую школу, которая задумана им как своеобразные краткосрочные курсы по повышению антикоммунистической квалификации: на передготовку епископов у него уходит 5 дней, на обучение рядовых священников — 10 дней.

Деятельность отца Ломбарди и его учеников встречала горячую поддержку со стороны святого престола. Как известно, с 1870 года папы никогда не покидали Рим, отчего и получили название «византизм» унзинок. Однако Пий XII недавно изменил это обычное для того, чтобы посетить учебное заведение на Альбанских холмах. Крестоносцы отца Ломбарди привлекли внимание сильных мира сего и по ту сторону Атлантического океана. Американский журнал «Тайм» опубликовал заметку рекламного характера о деятельности отца Ломбарди.

Чем же может увлечь антикоммунистический крестовый поход Риккардо Ломбарди? Ответить не так уж сложно. Достаточно перелистать страницы любого учебника новейшей истории и посмотреть, чем кончались подобные же походы.

Подготовка к съезду Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства

В Пекине под председательством Мао Дуня и Чжоу Яна состоялось расширенное заседание президиума Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства. Президиум рассмотрел вопрос о созыве очередного съезда ассоциации.

Как известно, Второй съезд ассоциации состоялся в 1953 году. За прошедшие четыре года социалистическая революция одержала решающие победы во всех областях жизни Китайской Народной Республики. Современная обстановка и грандиозные задачи культурного строительства требуют от работников литературы и искусства дальнейшего сплочения и мобилизации всех творческих сил для создания большой, социалистической по содержанию, национальной литературы и искусства.

Третий съезд Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства будет посвящен обсуждению этих главных задач. Съезд намечено провести в октябре этого года.

ПЕКИН. (Наш корр.)

ГОСТЬ С НЕЙТРАЛЬНОЙ СТОРОНЫ

Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что хозяева клуба рейнско-рурских промышленников («Рейн-Рур-Клуб») в Дюссельдорфе недавно принимали у себя с полсотни бывших офицеров гитлеровского вермахта с генерал-фельдмаршалом Мильхом и Минштейном во главе. Германские трестовики всегда действовали заодно с германскими милитаристами. Им есть что вспомнить — агрессивные цели, которые не были достигнуты:

есть и о чем потолковать — о новых агрессивных планах, которые выстраивают в их умах. И действительно, как сообщает немецкая печать, на приеме в «Рейн-Рур-Клуб» господа промышленники и их гости — нацистские воюки востали разглагольствовали на любимые темы. Словом, все шло обычным для ФРГ чередом.

Но гостей ждал приятный сюрприз. Неожиданным номером рейнско-рурской клубной программы оказалось выступление иностранного гостя, каким-то путем оказавшегося среди приглашенных. Пожарный, самым странным было то, что этот гость прибыл из Швейцарии, той самой, которая даже в словнике крестоворядов фигурирует обычно как «страна, придерживающаяся традиционного нейтралитета».

Гость с нейтральной стороны — командир 3-й дивизии швейцарской армии, он же до-

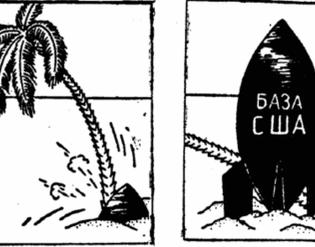
цент по военному делу в Высшем техническом училище в Цюрихе, полковник, доктор Бруннер, своим выступлением в дюссельдорфском клубе наглядно показал, что кое-кому в Швейцарии опостылели ее давнишние традиции нейтралитета. Соревнуясь по этой части со своими коллегами в ФРГ, швейцарский полковник произнес в клубе рейнско-рурских промышленников памятную подстрекательскую речь. Он пустился в ход все виды обычного вооружения холодной войны и глупейшие антисоветские инсинуации, и прояснение НАТО, и требование неуклонного наращивания вооружений, и призыв к применению атомного оружия в горячей войне, и т. д. Обрушился оратор из нейтральной страны на тех, кто осмеливается отказываться служить в агрессивной армии Бонна. Нужно ли добавлять, что речь швейцарского полковника была восторженно встречена его слушателями.

Но позволено спросить: кто уполномочивал его на ту «миссию», с которой он появился в Дюссельдорфе? Не заинтересует ли этот вопрос некоторые видные круги нейтральной Швейцарии?

«Помощь» по-американски...

...или «доктрина» в действии. Рисунок художника Брамке из немецкой газеты «Небес Дейчланд»

...или «доктрина» в действии. Рисунок художника Брамке из немецкой газеты «Небес Дейчланд»

Детство Алана

Нередко на рабочих собраниях Австралии появляется веселый, жизнерадостный человек на костылях. Это Алан Маршалл, широко известный в стране прогрессивный писатель и общественный деятель. Его книга «Это мой народ» считается классическим произведением австралийской литературы, его роман «Как прекрасны твои фабрики» описывает жизнь рабочих обувных фабрик Австралии. Множество новелл и рассказов Маршалла опубликовано в австралийских журналах и сборниках. Его последнее по времени произведение — автобиографическая повесть о детских годах писателя, которую он немного по-озорному назвал «Я научился прыгать через лужи».

Эта удивительно: Маршалл написал очень увлекательную и вместе с тем поучительную книгу. В ней писатель рассказывает о том, как он боролся с поразившим его в детстве тяжелым недугом — параличом ног (в результате заболевания полиомиелитом) и, преодолев болезнь, стал подполковником, полномочным членом школьного коллектива и, более того, физически крепким, закаленным мальчиком, как он научился плавать, ездить верхом...

Но главное, о чем повествует книга, — это о моральной закалке, о мужании характера, и название ее «Я научился прыгать через лужи» приобретает гораздо более широкое, обобщающее значение. Притом книга совершенно чужды морализированию, дидактика — это жывой и увлекательный рассказ, читающийся с неослабевающим интересом.

Очень живы и занимательны все главы повести — и о пребывании Алана в больнице, и об обучении в школе, где хозяйничает так часто прибегающий к палке м-р Тэкер, и о друзьях Алана. Но прежде всего это книга об отце Алана, простом всегдашней лошадей, человеке неординарной силы воли и практической сметки, который твердо решил превратить своего сына из жалкого инвалида в человека, чувствующего себя в австралийских «зарослях», как дома.

Повесть дает верные и правдивые зарисовки быта Австралии начала века, с ее бродягами — «свзгменами», с ее дивестивной природой той поры, когда лишь появились первые автомобили, пугавшие конские табуны. Она согрета теплым чувством любви к людям, к родной стране. Маленький Алан мечтал стать писателем, и отец говорил ему, что писать стоит только правдивые книги, помогающие людям. Такую книгу и написал Алан Маршалл.

Перед читателем проходил один за другим эпизоды трудного и в то же время полного своих нехитрых радостей детства Алана. Знакомимся с героями книги, и каждый из них остается в памяти: и ласковая сестра из больницы, где лежал Алан, и его сосед по палате, и старый австралиец Питер Маклод, учивший Алана тайнам лесной жизни, и лесорубы, скрывающие свою тяжелую труд песнями о людях, «скользящих по небу», не хотевших жить в «рабстве». Каждый из этих персонажей наделен своими особыми чертами, и о каждом из них автор пишет с искренней симпатией. Что же касается «улыбки» тому, как хорошо сумел Маршалл показать психологию ребенка: и маленького героя кин-

тальный рассказ, читающийся с неослабевающим интересом.

Очень живы и занимательны все главы повести — и о пребывании Алана в больнице, и об обучении в школе, где хозяйничает так часто прибегающий к палке м-р Тэкер, и о друзьях Алана. Но прежде всего это книга об отце Алана, простом всегдашней лошадей, человеке неординарной силы воли и практической сметки, который твердо решил превратить своего сына из жалкого инвалида в человека, чувствующего себя в австралийских «зарослях», как дома.

Повесть дает верные и правдивые зарисовки быта Австралии начала века, с ее бродягами — «свзгменами», с ее дивестивной природой той поры, когда лишь появились первые автомобили, пугавшие конские табуны. Она согрета теплым чувством любви к людям, к родной стране. Маленький Алан мечтал стать писателем, и отец говорил ему, что писать стоит только правдивые книги, помогающие людям. Такую книгу и написал Алан Маршалл.

Перед читателем проходил один за другим эпизоды трудного и в то же время полного своих нехитрых радостей детства Алана. Знакомимся с героями книги, и каждый из них остается в памяти: и ласковая сестра из больницы, где лежал Алан, и его сосед по палате, и старый австралиец Питер Маклод, учивший Алана тайнам лесной жизни, и лесорубы, скрывающие свою тяжелую труд песнями о людях, «скользящих по небу», не хотевших жить в «рабстве». Каждый из этих персонажей наделен своими особыми чертами, и о каждом из них автор пишет с искренней симпатией. Что же касается «улыбки» тому, как хорошо сумел Маршалл показать психологию ребенка: и маленького героя кин-

тальный рассказ, читающийся с неослабевающим интересом.

Очень живы и занимательны все главы повести — и о пребывании Алана в больнице, и об обучении в школе, где хозяйничает так часто прибегающий к палке м-р Тэкер, и о друзьях Алана. Но прежде всего это книга об отце Алана, простом всегдашней лошадей, человеке неординарной силы воли и практической сметки, который твердо решил превратить своего сына из жалкого инвалида в человека, чувствующего себя в австралийских «зарослях», как дома.

Повесть дает верные и правдивые зарисовки быта Австралии начала века, с ее бродягами — «свзгменами», с ее дивестивной природой той поры, когда лишь появились первые автомобили, пугавшие конские табуны. Она согрета теплым чувством любви к людям, к родной стране. Маленький Алан мечтал стать писателем, и отец говорил ему, что писать стоит только правдивые книги, помогающие людям. Такую книгу и написал Алан Маршалл.

Перед читателем проходил один за другим эпизоды трудного и в то же время полного своих нехитрых радостей детства Алана. Знакомимся с героями книги, и каждый из них остается в памяти: и ласковая сестра из больницы, где лежал Алан, и его сосед по палате, и старый австралиец Питер Маклод, учивший Алана тайнам лесной жизни, и лесорубы, скрывающие свою тяжелую труд песнями о людях, «скользящих по небу», не хотевших жить в «рабстве». Каждый из этих персонажей наделен своими особыми чертами, и о каждом из них автор пишет с искренней симпатией. Что же касается «улыбки» тому, как хорошо сумел Маршалл показать психологию ребенка: и маленького героя кин-

тальный рассказ, читающийся с неослабевающим интересом.

Очень живы и занимательны все главы повести — и о пребывании Алана в больнице, и об обучении в школе, где хозяйничает так часто прибегающий к палке м-р Тэкер, и о друзьях Алана. Но прежде всего это книга об отце Алана, простом всегдашней лошадей, человеке неординарной силы воли и практической сметки, который твердо решил превратить своего сына из жалкого инвалида в человека, чувствующего себя в австралийских «зарослях», как дома.

это видели девочки, присутствовавшие на состязания